

Библейско-богословская коллекция
БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Б.Т. ГОРЯНОВ

**Ф.И. УСПЕНСКИЙ
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В
ВИЗАНТИНОВЕДЕНИИ**

Опубликовано: Византийский временник, 1947, I (XXVI).

© Сканирование и создание электронного варианта: издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2006.

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2006

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Т. ГОРЯНОВ

Ф. И. УСПЕНСКИЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ВИЗАНТИНОВЕДЕНИИ

(К столетию со дня рождения 1845 — 7 февраля — 1945 г.)

ВВЕДЕНИЕ

1. Русское византиноведение до Ф. И. Успенского

Русская историческая наука внесла большую и ценную долю в сокровищницу мировой науки, в частности, — в византиноведение. Причины этого коренятся прежде всего в особых условиях развития исторической науки в России. Нужно иметь в виду, что первыми источниками, по которым русское общество знакомилось со всеобщей историей, были византийские летописи и хронографы. Содержащиеся в них исторические факты, перемешанные с апокрифическими сказаниями, перешли в русскую историческую литературу уже начиная от первых летописцев. В древнерусской литературе византийская история была представлена повестями, компиляциями и пересказами из византийских историков и хронистов — Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Константина Манассии, Иоанна Зонары, Симеона Логофета и других.

Научное византиноведение зародилось в России в конце XVIII в. по почину и под руководством Академии Наук. Академик Шлецер неумолимо проповедывал необходимость византиноведческих занятий в России, указывая, что научная разработка вопросов византийской истории является обязательным, настоятельно необходимым делом русских историков. Академия Наук поручила Штриттеру (1740 — 1801) составить собрание сведений, сообщаемых византийскими писателями о народах, населявших в древности территорию России. Штриттер выполнил колоссальную подготовительную работу,

на основе которой в 1770—1779 гг. вышли четыре больших тома капитального издания „*Memoriae populorum, olim ad Danubium etc. insolentium*“, переведенного впоследствии на русский язык. Эта работа и до настоящего времени служит ценным пособием для исследователей, занимающихся древнейшей историей Византии и южных славян.

В начальном периоде русского византиноведения наиболее видным его представителем был академик А. А. Куник (1814—1899). Как отмечал впоследствии Ф. И. Успенский, научная разработка византиноведения была задачей А. А. Куника на протяжении всей его жизни. Для развития византиноведения в России большое значение имело выступление в 1850 г. Т. Н. Грановского. „Нужно ли говорить, — писал он, — о важности византийской истории для нас, русских? Мы приняли от Царьграда... начатки образования. Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов. Но, кроме этих отношений, нас связывает с судьбой Византии уже то, что мы — славяне. Последнее обстоятельство не было, да и не могло быть по достоинству оценено иностранными учеными... На нас лежит некоторого рода обязанность оценить явление (т. е. византизм), которому мы так многим обязаны“¹. Поэтому, уже после выступления Т. Н. Грановского, А. А. Куник выступал на почве возросшего интереса ученого мира России того времени к вопросам византиноведения.

В 1853 г. А. А. Куник читал в собрании Академии Наук записку на тему „Почему Византия остается донныне загадкой во всемирной истории?“² А. А. Куник занимался исследованием легенды о Георгии Амастридском, историей основания Трапезунтской империи, разысканиями о русско-византийских монетах. А. А. Куник, сознавая значение изучения византийской письменности и истории для правильного толкования всеобщей и, в особенности, русской истории, считал, что „самое многостороннее и сильное покровительство России византийским занятиям никакой стране не доставит столько приобретений, как самой России“, и настаивал на том, чтобы приступить к „лингвистическому введению“ в исследование памятников византийской литературы, заняться критической их обработкой.

В середине XIX в. изучением истории Византии занимался А. П. Зерин, все главные труды которого относятся к области византиноведения. В 1846 г. он защитил магистерскую диссертацию,

¹ Т. Н. Грановский. Собрание сочинений, 4-е изд., М. 1890, стр. 378.

² Ученые записки Академии Наук по I и III отд., т. II, СПб., 1853.

представив сочинение „Об отношении Константинопольского патриархата к русской иерархии“. Другими его работами по истории Византии являются: „Император Василий Македонянин“,¹ „Очерк жизни константинопольского патриарха Фотия“. ² Наиболее значительным трудом А. П. Зернина было исследование „Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного“ (Харьков, 1858), для своего времени явившееся выдающимся сочинением по глубине анализа и смелости выводов.

К этому же времени относится научная деятельность В. И. Григоровича. Его работа „О Сербии в ее отношении к соседним державам преимущественно в XIV и XV ст.“ (Казань, 1859) имела большое значение потому, что ставила вопрос о необходимости тесной связи между изучением истории Византии и южных славян. С этой стороны имеют значение также его труды: „Протоколы Константинопольского патриархата XIV ст.“³ и „Как выражались отношения Константинопольской церкви к окрестным северным народам и преимущественно к болгарам в начале X в.“ (Одесса, 1866).

В лице В. И. Григоровича научное славяноведение слилось в один поток с научным византиноведением.

В 1866 г. вышла работа А. К. Завадского-Краснопольского — „Влияние греко-византийской культуры на развитие цивилизации в Европе“, печатавшаяся в „Киевских университетских известиях“ и затем выпущенная отдельным изданием. В 1869 г. В. С. Иконников защитил докторскую диссертацию, представив сочинение на тему „Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории“. В этой работе было много ошибок и неточностей, но тем не менее это была первая попытка дать синтетический обзор влияния Византии на развитие русской культуры, начиная с Киевской Руси и кончая московским периодом.

Весь этот период можно назвать подготовительным в истории развития русского византиноведения. В этом периоде нащупывались пути, ставились задачи, над которыми должны были в будущем работать русские византилисты. Подлинный расцвет русского византиноведения неразрывно связан с именами В. Г. Васильевского (1838—1899) и Ф. И. Успенского (1845—1928).

В этом кратком очерке, ставящем себе задачу изложить состояние русского византиноведения до появления на арену русской науки Ф. И. Успенского, мы не будем касаться творчества В. Г. Васильевского.

¹ Современник, 1854.

² Чтения Московского об-ва истории и древностей российских, 1858.

³ ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1874.

14 февраля 1871 г. состоялось торжественное заседание Петербургского славянского благотворительного комитета, на котором должны были быть объявлены результаты конкурса на Кирилловскую премию за лучшее сочинение на тему „О трех первых попытках государственного объединения западных славян“. Лучшее сочинение получило блестящие отзывы К. Н. Бестужева-Рюмина и В. И. Ламанского. По вскрытии конверта с девизами оно оказалось принадлежащим перу студента IV курса историко-филологического факультета Петербургского университета Ф. И. Успенского и было напечатано в 1872 г. под названием „Первые славянские монархии на северо-западе“. Это было первое выступление на арене научной деятельности Ф. И. Успенского, которому суждено было стать главою русского византиноведения.

2. Краткая биография Ф. И. Успенского

Федор Иванович Успенский родился 7 февраля 1845 г. в погосте Горки, Галичского уезда, Костромской губернии, в семье пономаря местной церкви Ивана Яковлевича Успенского. Имея большую семью, родители Ф. И. очень нуждались, сами обрабатывали землю и никогда не сводили концов с концами.

С 1854 по 1860 г. Ф. И. учился в Галичском духовном училище. По окончании училища осенью 1860 г. он поступил в Костромскую семинарию, которую окончил в числе первых учеников 31 июля 1866 г. Его происхождение из духовной среды, весь ход его образования как будто бы естественно приводили его на путь завершения его образования в духовной академии, о которой мечтали лучшие из учеников семинарий. Однако Ф. И. не привлекала духовная карьера. Со школьной скамьи он стремился к научной работе и мечтал о поступлении в Московский университет. В смысле формирования научных интересов Ф. И. большое влияние на него оказал его преподаватель истории в Костромской семинарии М. И. Горчаков, который впоследствии был профессором церковного права в Петербургском университете. Родители Ф. И. не могли отправить его за свой счет в университетский город, и, для того чтобы собрать средства на поездку, он поступил преподавателем русского языка в Галичское уездное училище. В результате целого года работы, отказывая себе во всем, Ф. И. собрал 30 рублей и с этими деньгами отправился в Москву. На пароходе между Костромой и Ярославлем он случайно познакомился с одним пассажиром, от которого узнал, что в Петербурге открывается Институт истории и филологии, где студенты должны были содержаться за счет государства. Это сооб-

шение заставило Ф. И. переменить направление и вместо Москвы отправиться в Петербург.

Прибыв в Петербург, Ф. И. встретился там с некоторыми земляками, которые усиленно стали советовать ему поступить в университет. Ко времени приезда в столицу у Ф. И. в кармане оставалось всего 15 рублей, и мысль о поступлении в новый институт, где он мог бы учиться, не заботясь о добывании средств к существованию, его очень соблазняла. Однако старая мечта об университете взяла верх, и Ф. И. оказался студентом историко-филологического факультета Петербургского университета.

Жизнь в университетском городе была для Ф. И. очень тяжелой. Он поселился очень далеко от университета, на Охте, где за уроки получил комнату и стол, и ради экономии должен был пешком ходить в университет. Родители к этому времени умерли, и Ф. И. приходилось помогать своим младшим братьям. В университете Ф. И. попал в среду наиболее выдающихся студентов, из которых многие впоследствии выдвинулись в различных областях русской науки и культуры. Наиболее близкими из его друзей были И. Н. Жданов, Д. Ф. Беляев, П. И. Анненков и П. И. Аландский, а среди более старших — В. И. Срезневский, А. С. Будилович, И. В. Помяловский и Ф. И. Фортинский.¹

Из своих преподавателей Ф. И. всегда особенно вспоминал о читавшем греческий язык К. Я. Люгебиле, слависте В. И. Ламанском и К. Н. Бестужева-Рюмине. Ф. И. в своих воспоминаниях о своих университетских годах с благодарностью говорит о К. Я. Люгебиле, который ввел его в понимание истории и критики текстов, хотя часто при этом приходилось тратить целые часы на объяснение 2—3 строк греческого историка.²

Интересно проследить, кому обязан Ф. И. Успенский в направлении его научных интересов в сторону византиноведения. Это направление не могло быть вызвано влиянием В. Г. Васильевского: когда Ф. И. был уже на последнем курсе университета, В. Г. Васильевский был еще только молодым начинающим доцентом. Сам Ф. И. неоднократно указывал в своих воспоминаниях, что толчок к изучению истории Византии он получил у К. Н. Бестужева-Рюмина. „Никто из моих профессоров в университете, — писал впоследствии сам Ф. И., — не имел такой высокой идеи о значении, которое

¹ V. N. Beneševič. Théodore Uspenskij. Essai de biographie. L'art byzantin chez les slaves. Deuxième recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij, Paris, 1932, p. II.

² Ф. И. Успенский. Петербургский университет в 1867—1871 гг. по воспоминаниям студента. Дела и дни, I (1920), стр. 166.

имеют для нас византийские исследования“.¹ Глубокое влияние оказал на Ф. И. также и известный славист В. И. Ламанский.

Когда Ф. И. Успенский перешел на третий курс историко-филологического факультета, Петербургский славянский благотворительный комитет объявил конкурс на соискание Кирилловской премии за лучшее сочинение на тему „О трех первых попытках государственного объединения западных славян“. В. И. Ламанский, который уже давно отмечал Ф. И. как одного из своих самых выдающихся учеников, побудил Ф. И. принять участие в этом конкурсе. Ф. И. долго не соглашался на это предложение, считая, по своей скромности, что подобная работа ему не по силам, однако настойчивые уговаривания В. И. Ламанского заставили его в конце концов взяться за эту работу. Тяжелые условия, в которых находился Ф. И., сильно тормозили работу молодого исследователя. Он пишет об этом в своих воспоминаниях: „Я падал под тяжестью этой трудной задачи и временами хотел от нее отказаться“. Однако его руководитель широко помогал ему, предоставив ему пользоваться своей богатой библиотекой, и уже к 1 января 1871 г. Ф. И. мог закончить свою работу. Это студенческое сочинение представляло собою книгу в 266 страниц. Оно было глубоким исследованием, основанным на изучении большого количества первоисточников — летописей, хроник, грамот. Работа Ф. И. получила первую премию и в 1872 г. появилась в печати под заглавием „Первые славянские монархии на северо-западе“. Как отмечал впоследствии В. Г. Васильевский, это — „лучшее историческое обозрение судеб Польского и Чешского государства. Если бы мы имели десяток один-другой таких книг по славянской истории, то и образованная публика не могла бы жаловаться на недостаток доступных для нас общих сочинений по этому предмету, и публицистика не имела бы основания упрекать русских ученых в невнимании к потребностям общества“.² Эта первая научная работа Ф. И. Успенского выделяется по своей теме из всего остального его литературного наследства, так как подавляющая часть его произведений принадлежит изучению истории Византии и южных славян, так тесно связанных между собою в ходе исторического процесса всего Средневековья до самого конца существования византийской империи.

В 1874 г. Ф. И. Успенский успешно сдал свои магистерские экзамены. В этом же году вышла в свет его работа „Византийский писатель Никита Акоминат из Хон“. 2 сентября 1874 г. он успешно защитил эту работу в качестве магистерской диссертации, а 24 сен-

¹ Ф. И. Успенский. Цит. соч., стр. 168.

² ЖМНП, июль 1879, стр. 144.

тября был назначен доцентом в незадолго до этого основанный Новороссийский университет в Одессе. Этим начался первый, одесский, период ученой и преподавательской деятельности Ф. И. Успенского, который продолжался два десятилетия (1874—1894).

Для молодого византиниста условия работы в Одессе оказались очень благоприятными. Здесь он встретил группу профессоров-исследователей, занимавшихся историей Византии и византийского искусства — Н. П. Кондакова, Н. Ф. Красносельцева, А. И. Кирпичникова, Ф. К. Бруна и других. Как отмечает сам Ф. И. Успенский, „в семидесятые и восьмидесятые годы приглядывающийся к русской университетской жизни не может не отметить особенного оживления и подъема на филологическом факультете некоторых университетов. Не входя в детали, ограничусь напоминанием любопытного обстоятельства из моих одесских впечатлений. Профессора Кирпичников, Красносельцев, Кондаков и Успенский составили кружок с целью углубления в византийские занятия и собирались вместе в определенные дни для чтения источников и обсуждения некоторых вопросов, которые представляли трудности для каждого по одиночке“.¹

В 1876 г. Ф. И. Успенский получил научную командировку за границу. Работа в библиотеках и хранилищах рукописей Запада дала ему возможность собрать материалы для работы „Образование второго болгарского царства“. 23 апреля 1879 г. Ф. И. защищал эту работу в качестве диссертации и получил степень доктора всеобщей истории.

В среде одесских ученых, интересы которых вращались вокруг византийских занятий, возникла идея образования византийского общества и издания при нем специального органа.² Чрезвычайно характерно отношение царских правительственных органов к организации новых научных предприятий, о чем рассказывал впоследствии Ф. И. в статье „Из истории византиноведения в России“.³ Наиболее активным организатором нового общества был Ф. И. Успенский. Как вспоминает Ф. И., начальник Одесского учебного округа был противником всякой новой инициативы профессорско-преподавательского состава, поэтому Ф. И. обратился к одесскому генерал-губернатору Х. Х. Роопу с докладной запиской, в которой развивал свою излюбленную идею о том, что изучение Византии

¹ Ф. И. Успенский. Памяти Никодима Павловича Кондакова. Известия Академии Наук СССР, VI серия, т. XX (1926), 15 мая, № 9, стр. 568—569.

² Ф. И. Успенский. Из истории византиноведения в России. Анналы, (1922), стр. 119.

³ Анналы, I (1922), стр. 110—126.

и Востока является национальной русской темой. „Изучение судеб единоплеменных и единоверных народов, входивших в состав Византии, — писал Ф. И. в докладной записке, — является важнейшей научной задачей России“. Вокруг организации одесского византийского общества развернулась волокита, тормозившая его открытие. Генерал-губернатор Х. Х. Рооп, зная отрицательное отношение к этому вопросу начальника учебного округа, не взял на себя решение вопроса и перенес его на усмотрение министра народного просвещения Делянова.¹ Делянов ответил, что рассмотрение вопроса об открытии византийского общества следует отложить, так как „сейчас возбужден вопрос об организации Института в Константинополе, который будет преследовать те же задачи, которые возлагаются по проекту устава на византийское общество“. Таким образом, идея объединения ученых для развития византийских занятий была похоронена в дебрях ведомственной переписки. Взамен этого предприятия в 1890 г. при Новороссийском университете было создано Историко-филологическое общество под председательством Ф. И. Успенского; при обществе была образована византийская секция.

Одесский период деятельности Ф. И. сопровождается большой организационной работой и участием во многих археологических съездах. В 1884 г. он участвует в археологическом съезде в Одессе, в 1890 г. — в Москве, в 1893 г. — в Вильне, в 1896 г. — в Риге. В 1886 г. Ф. И. был в заграничной командировке, в течение которой собрал много неизданных материалов, позволивших ему написать ряд блестящих очерков, сведенных затем в отдельном издании в книгу „Очерки по истории византийской образованности“, вышедшую в свет в 1892 г.

Ф. И. Успенский был инициатором и организатором Русского археологического института в Константинополе, директором которого он был с первого до самого последнего дня существования Института. Годы работы Ф. И. в Институте в Константинополе являются вторым периодом его научной деятельности, периодом наиболее яркого расцвета творческой энергии. До открытия этого Института русская историческая наука не была представлена подобными учреждениями за границей, отставая в этом отношении от ряда западноевропейских стран, которые уже давно работали на Ближнем Востоке, особенно по изучению классической древности, имея к тому времени первоклассные научные учреждения со вспомогательными организациями, школами, курсами, библиотеками, главным образом

¹ *Анналы*, I (1922), стр. 125.

в Афинах. Русское правительство, пожалуй, еще долго не пошло бы на открытие такого Института, если бы оно не рассчитывало превратить его, в основном, в орудие своей внешней политики на Ближнем Востоке. Зато иностранные ученые уже давно оценили заслуги русских ученых перед мировым византиноведением. Это хорошо выразил в своем приветствии ко дню открытия Института директор французской школы в Афинах Омольт, который писал: „Мы радовались со всем ученым миром предполагаемому открытию Института, этому важному для науки событию. Его осуществление внушает нам наилучшие надежды, так как в Афинах мы научились ценить талантливость и научный дух русских ученых, и нам доставляло особое удовольствие быть в общении с ними и содействовать им по мере сил“.

Институт был открыт 26 февраля 1895 г. Рассказывать об этих годах жизни Ф. И. Успенского значило бы излагать историю деятельности Русского археологического института в Константинополе, что мы рассчитываем сделать в отдельной главе. Личная жизнь Ф. И. Успенского в эти годы целиком сливается с работой Института, его любимого детища, которому он отдавал все свои силы и способности. Ни одна работа не велась в Институте без прямого участия в ней Ф. И. Ему принадлежит обработка большинства материалов, добытых археологическими экспедициями и всеми остальными научными исследованиями Института. Он написал за это время огромное количество монографий, статей, рецензий. Ему принадлежат также отчеты о деятельности Института, печатавшиеся в очередных номерах „Известий“ Института. Ф. И. заботливо относился к выращиванию новых сил на поприще русского византиноведения и среди многосторонней, целиком его поглощавшей работы находил время для систематического чтения лекций молодым ученым, прикомандированным к Институту университетами и научными учреждениями. С 29 декабря 1893 г. Ф. И. был членом-корреспондентом Академии Наук, а 7 октября 1900 г. он был избран действительным членом Академии Наук.

Годы работы Ф. И. Успенского в Константинополе совпадают с подготовкой к печати большого синтетического труда, его „Истории Византийской империи“, которую он рассматривал как подведение итогов и обобщение выводов всей его исследовательской работы по истории Византии. Первый том этой работы, в котором изложение доводится до 717 г., вышел в свет в 1913 г.

Первая мировая война и разрыв России с Турцией, перешедшей в число союзников империалистической Германии, прервали деятельность Института, и Ф. И. Успенскому пришлось, оставив в

Константинополе свою личную библиотеку и имущество, неожиданно вернуться в Петроград, где он и провел все остальные годы своей жизни.

Некоторые русские византилисты не приняли Великой Октябрьской социалистической революции и оказались в рядах белоэмигрантов. Виднейший византист Ф. И. Успенский остался верным сыном своей Родины и сейчас же после Октябрьской революции со всей присущей ему энергией начал, как он говорил, работу „воссобираания рассыпавшейся было хранины византологии“. Несмотря на трудные условия, в которых ему приходилось работать в первые годы после революции, несмотря на преклонный возраст (ему шел в это время уже восьмой десяток), Ф. И. добился больших успехов в развитии советского византиноведения. Ценою невероятных усилий ему удалось восстановить центральный орган русского византиноведения „Византийский Временник“, который снова начал выходить под его редакцией. Уже 10 апреля 1918 г. Ф. И. обратился с докладной запиской в Отделение истории и философии Академии Наук, в которой он излагал свои планы восстановления и развития советского византиноведения. Ему удалось собрать вокруг этой задачи значительные силы советских ученых и направить их усилия с целью поддержать „академические традиции по изучению Византии“.¹ По его предложению создается комиссия по изучению трудов Константина Порфирородного, а затем русско-византийская словарная комиссия, неизменно возглавляемые Ф. И. Успенским. Кроме большой организационной работы, Ф. И. до конца своих дней не оставлял исследовательской работы. За время от революции до его смерти он напечатал свыше 40 трудов, среди них такие капитальные исследования, как „Вазелонские акты“ и „Очерки по истории Трапезунтской империи“. Кроме того в его архиве осталось около 20 неизданных произведений, темою которых служили в большинстве случаев доклады, сделанные им за последние годы.

Ф. И. не удалось увидеть завершение печатания его „Истории Византийской империи“. Печатание первой части второго тома сильно задержалось из-за трудностей, которые переживала страна в первые годы после революции. Первая половина второго тома вышла в свет в 1927 г. и давно является библиографической редкостью. Целиком готовые к печати вторая половина второго тома и весь третий том, завершающие изложение всего хода истории Византии, находятся в Ленинграде, в архиве Академии Наук СССР. По решению Отделения истории и философии АН СССР, предпринимается полное издание всех трех томов „Истории Византийской империи“.

¹ Византийский Временник, XXIII (1917—1922), стр. 137—139.

До последних дней Ф. И. Успенский неутомимо работал над развитием своей любимой науки. Он никак не мог примириться с тем, что институт в Константинополе прекратил свое существование. Еще за два года до смерти Ф. И. выражал надежду на восстановление института.¹ Но увидеть осуществление этой мечты Ф. И. уже не было суждено. Он скончался 10 сентября 1928 г. в больнице имени Нечасва в Ленинграде и похоронен на Смоленском кладбище.

ГЛАВА I

ВОПРОС О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВИЗАНТИИ И СЛАВЯН В ТРУДАХ Ф. И. УСПЕНСКОГО

Вопрос о взаимоотношениях Византии и славян не является новым. Задолго до начала научной деятельности Ф. И. Успенского буржуазная историческая наука проделала большую подготовительную работу, направленную в основном на собирание огромного фонда первоисточников по истории взаимоотношений Византии и славян, общественного строя древних славян и составления сводов этих первоисточников. Эта работа велась начиная с первой половины XVIII в. Для примера укажем хотя бы труды Иордана, который собрал значительное количество сведений о славянах, добытых им в результате изучения большого количества первоисточников.² Эта работа была продолжена Шриттером по заданию Российской Академии Наук, в результате чего появились четыре большие тома извлечений из произведений византийских и других писателей о славянах.³ В развитии научного славяноведения большую роль сыграли работы чешских ученых Домбровского, Палацкого, Шафарика и др., которые создали славянскую филологию и положили прочное начало научной разработке истории славянства. Исключительно ценный для своего времени материал собрал П. Шафарик, "отец славяноведения", в своем труде о славянских

¹ Byzantion, II (1926), p. 43.

² I. C. de Jordan. De originibus slavicus, tt. I—II, Vindobonae, 1745.

³ I. Stritter. Memoriae populorum olim ad Danubium, pontem Euxinum et inde magis ad septentriones incolentium e scriptoribus historiae byzantinae erutae et digestae, I—IV, Petropolis, 1771—1779. Имеется русский перевод. Шриттер, Известия византийских историков, объясняющих историю России древнейших времен, I—IV. СПб. 1770—1774.

древностях.¹ Нужно отметить составленный с исключительной тщательностью и снабженный солидным научным аппаратом свод текстов-памятников о южных славянах, изданный в 60-х годах XIX в. в Загребе.² Много внимания влиянию славян на Византию уделял Фальмерайер,³ точка зрения которого на роль славян вызвала продолжительную дискуссию, в которую были вовлечены К. Гопф-Цинкейзен, А. А. Васильев и ряд других крупнейших представителей исторической науки.

Работы иностранных, особенно чешских ученых дали толчок развитию русского славяноведения в 40-х годах XIX в., причем идейными продолжателями западноевропейского славяноведения в России были славянофилы. Историческая концепция славянофилов была провозглашена в статье П. В. Киреевского "О древней русской истории" в 1845 году и была в дальнейшем развита его старшим братом И. В. Киреевским в статье „О характере просвещения Европы и о его отношении к России“. Их основным тезисом было противопоставление завоевания и призвания как основного различия в историческом процессе Западной Европы и России. „В то время как на Западе европейские государства, начавшись насилием, — писал И. В. Киреевский, — должны были развиваться переворотами, в русском обществе господствовало внутреннее единство. На Востоке Европы — греческий мир с его художественно-созерцательной культурой, восточная мистика, Византия и православие, на Западе — рассудочная римская культура, католическое христианство, извращенное западным рационализмом“.⁴

Дальнейшее развитие эти теории получили в трудах А. С. Хомякова, одного из самых ярких представителей славянофилов. По его учению, на Западе основой всей жизни является культурное противоречие завоевателей и римской культуры, в то время как славянский мир, восприняв православие через Византию, свободен от этого противоречия и сохранял неприкосновенно обычаи и нравы незапамятной старины.⁵

Большую роль в развитии русского славяноведения сыграл В. И. Ламанский (1833—1914), создавший целую школу русских

¹ P. Schafarik. *Slavische Altertümer*, Bd. 1—2, Leipzig, 1843,

² Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. 1—V, Zagrabiae, 1868—1875.

³ Fallmerayer. *Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters*. Stuttgart, 1836,

⁴ "Московский сборник", т. IV, М., 1852, стр. 28.

⁵ А. С. Хомяков. Вместо введения к сборнику исторических и статистических сведений о России. Полное собр. соч., т. I, стр. 482.

ученых-славистов, из которых ряд историков выпустили ценные произведения по средневековой истории южных славян. Будучи славянофилом и панславистом, В. И. Ламанский поддерживал великодержавное направление русских славистов, вследствие чего его школа не встречала сочувствия среди студенческой молодежи и вообще прогрессивных кругов русского общества. Однако неоспоримой заслугой В. И. Ламанского является его борьба против враждебного отношения немецко-буржуазной науки к славянству.¹ Как уже отмечалось выше, В. И. Ламанский оказал на первых порах влияние также и на Ф. И. Успенского в направлении его научных интересов в сторону изучения истории славянства и Византии.²

Мы видим, что к тому времени, когда Ф. И. Успенский выступил на арену научной деятельности, славяноведение в России уже достигло значительных успехов. Заслуга Ф. И. Успенского состоит в том, что он впервые поставил и научно обосновал положение о глубоком влиянии славян на все стороны жизни византийского государства. Это положение было излюбленным тезисом Ф. И. Успенского, который красной нитью проходит через всю его многолетнюю работу исследователя. Уже в 1875 г., начиная свой курс по всеобщей истории в Новороссийском университете в Одессе, Ф. И. Успенский указывал, что западная и, особенно, немецкая историческая наука "предвосхищает первичную культурную роль в средней и новой истории почти исключительно в пользу немецкого племени ... Между тем соседний с ним (германо-романтическим миром. — *Б. Г.*) восточноевропейский или греко-славянский мир не только в силу давности на Европейском материке, но и по своеобразной культуре, историческому назначению, важной роли во всех европейских событиях — заслуживает по меньшей мере столь же усердного изучения, как и романо-германский мир; без тщательного изучения этого мира событиям средневековой истории по необходимости придается ложный свет и неверное толкование".³

Подобными высказываниями о роли славян полны многие про-

¹ В. И. Пичета и У. А. Шустер. Славяноведение в СССР за 25 лет Сборник „25 лет исторической науки в СССР“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1942, стр. 224.

² Ф. И. Успенский. Воспоминания. Дела и дни, I (1920). См. также Ф. И. Успенский. Notes sur l'histoire des études byzantines en Russie, Byzantion, II (1925), p. 11.

³ Ф. И. Успенский. Значение византийских занятий в изучении средневековой истории (вступительная лекция по всеобщей истории). Записки имп. Новороссийского университета, т. XVI, Одесса, 1875, стр. 2—3.

изведения Ф. И. Успенского. Укажем еще на одно из них, когда в своем большом синтетическом труде, в котором он как бы подводил итоги своей научной деятельности, Ф. И. Успенский говорит: "И по своему безотносительному значению и по продолжительности воздействия на все стороны жизни византийского государства и, наконец, по взаимодействию государственных, правовых и культурных начал — славяне занимали большое место в истории Византии ..."¹ Обоснованию этих положений посвящены многие произведения Ф. И. Успенского, к ним он постоянно возвращался на протяжении всей своей научной деятельности.

Мы видели уже выше, что первым научным трудом Ф. И. Успенского, написанным еще в студенческие годы, было исследование, представленное им на соискание Кирилловской премии по конкурсу, объявленному Петербургским славянским благотворительным комитетом, на лучшее сочинение на тему „О трех первых попытках государственного объединения западных славян“. Оно было глубоко научным трудом, написанным на основе исчерпывающего изучения летописей, хроник, грамот, в нем излагались судьбы государства Само, Великой Моравии до появления угров и разложения Моравской державы, западных славян „под чешскими князьями“, Польши при Болеславе Храбром. По отзыву В. Г. Васильевского, это было „лучшее историческое обозрение судеб Польского и Чешского государства. Если бы мы, — говорит далее В. Г. Васильевский, — имели десяток один-другой таких книг по славянской истории, то и образованная публика не могла бы жаловаться на недостаток доступных для нее общих сочинений по этому вопросу и публицистика не имела бы основания упрекать русских ученых в невнимании к потребностям общества“.² Уже в этой работе Ф. И. Успенский сделал первые наброски своего отношения к вопросу о расселении славян на Балканском полуострове и об их иммиграции в пределы Византийской империи. Взгляды Ф. И. Успенского высказывались им в его многочисленных произведениях, но итоги его научной деятельности по этому вопросу были подведены в его большом синтетическом труде „Истории Византийской империи“. Поэтому для того, чтобы представить в виде стройного целого взгляды Ф. И. Успенского по этому вопросу, нам необходимо рассмотреть соответствующие места этой капитальной работы.

Для изучения взаимоотношений славян и Византии чрезвычайно

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 386.

² В. Г. Васильевский. Рецензия на книгу Ф. И. Успенского „Образование Второго болгарского царства“, ЖМНП, ч. 204, июль 1879 г., стр. 144.

важно было установить, когда в Византийской империи впервые начали появляться сведения о тех племенах, которые в V—VI вв. были известны под именем славян. Мы знаем, что империя зорко, внимательно следила за передвижениями варварских племен, появлявшихся в это время на ее северных границах. Еще в 448 г. Феодосий II отправил в лагерь Атиллы, расположенный на р. Тиссе, в нынешней Венгрии, посольство, которое имело предписание собрать необходимые сведения о передвижениях варварских племен. Результаты разведывательной работы этого посольства известны нам благодаря сохранившимся отрывкам сочинения участвовавшего в посольстве Приска Панийского. На описание Приска обращает внимание Ф. И. Успенский: „В описании Приска некоторые черты заслуживают особенного внимания. Прежде всего следует вспомнить, что занятая гуннами земля, по которой держало путь византийское посольство, вскоре затем становится славянским достоянием. Но весьма может быть, что гунны нашли уже здесь славян и покорили их своей власти“.¹

С 493 г. пристальное внимание императора Анастасия было привлечено событиями в дунайских областях. В это время, отмечает Ф. И. Успенский, славяне уже появляются под своим собственным именем. Правительство Анастасия правильно оценило значение непрерывно происходивших славянских передвижений. Мало этого, Византия до конца осознала горькую истину о невозможности противопоставить реальную силу постоянно возобновлявшимся славянским вторжениям из-за Дуная. Наиболее убедительным фактом, иллюстрирующим такую точку зрения византийского правительства, является построенная в 512 г. императором Анастасием, для защиты от нападений славян, линия укреплений от Селимбрии на Мраморном море до Дерконта на Черном море, которая получила название „Длинной стены“ и которую церковный историк Евагрий называл „знаменем бессилия, памятником трусости“. Большое значение придает Ф. И. Успенский восстанию Виталиана, расценивая его как факт, свидетельствующий о возникновении в это время некоторой организации среди федератов в придунайских областях. Как показывают источники, Виталиан имел связи с различными варварскими народами, в том числе и со славянами, которые, учитывая успехи восстания на отдельных его этапах, изменили свое прежнее представление об империи, поняли, что она вовсе не представляет несокрушимого по своей внешней силе государства.

Совершенно справедливо опровергает Ф. И. Успенский имевшую

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 180.

место в науке точку зрения, будто славяне мирным путем захватили Балканский полуостров и будто византийское правительство по собственной воле, без военного давления со стороны славян, уступало им свои слабо населенные провинции для колонизации. Его исследования привели его к прочно установленной им точке зрения, что с начального периода вторжений славян Византия прекрасно понимала военную силу славян, чувствовала себя бессильной перед лицом этого нового врага, появившегося на северной границе империи. Таким начальным периодом истории южных славян Ф. И. Успенский считает правление Юстина (518—527), когда впервые появляется упоминание о славянах под их собственным именем, в связи с первым их организованным нападением на Византию.¹

Ф. И. Успенский шаг за шагом прослеживает постепенное укрепление политической и военной организации славян. К концу VI в. точкой отправления для славянских нападений служит уже не правый берег Дуная, а сам Балканский полуостров. Для изучения хода славянской иммиграции Ф. И. Успенский привлек большое количество новых источников, в частности „Деяния св. Димитрия“ (Acta Sanctorum под 8 октября), произведения Иоанна Эфесского, летописи Иоанна Никиусского, хронику Михаила Сирийца и др. Изучение этих источников позволило Ф. И. Успенскому прийти к выводу, что походы славян были направлены к двум целям: к завладению Балканским полуостровом и к господству на Эгейском море, что в конце VI в. эти цели уже были осуществлены. В этом периоде, как показал Ф. И., славяне уже имели свой флот, делали многочисленные набеги на острова и приморские города, мешали торговым связям столицы на Мраморном море, прочно осели в Фессалии и Греции и уже неоднократно пытались овладеть Фессалоникой. В половине VII в. Балканский полуостров имеет почти однородное население, с повсеместным преобладанием славянских элементов. Только теперь, как показывает на ряде убедительных примеров Ф. И. Успенский, Византия пошла на предоставление славянам роли колонистов, назначая их для несения пограничной военной службы.²

Ф. И. Успенский дает мастерской анализ причин того исторического факта, что южные славяне оказались слабыми в борьбе с империей, не могли ее уничтожить, как это случилось на Западе,

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 464.

² Там же, стр. 620 и сл.

а вошли в состав населения империи, придав этим византинизму новые черты и испытав его разнообразные глубокие влияния.¹ Причину этого Ф. И. Успенский видит в семейно-родовом быте как исконной форме общественного устройства славян, составлявшей большое препятствие для образования у славян значительных племенных союзов и развития государственной организации.

Ускорению развития государственной организации среди славян способствовало, по мнению Ф. И. Успенского, появление и утверждение на юге от Дуная болгар, что Ф. И. считает наиболее важным фактом в истории славян VII в., посвящая ему особую главу (VI глава третьего периода) в I томе „Истории Византийской империи“. Военная организация у болгар была выше, чем у славянских племен, с которыми они вошли в соприкосновение. Поэтому, уступая по численности славянским племенам, с которыми им пришлось встретиться за Дунаем, болгары скоро получили перевес и могли образовать сильное государство.

Этапом, имеющим большое значение в развитии взаимных отношений Византии и славян, Ф. И. Успенский считает иконоборческое движение, анализируя в этом направлении деятельность иконоборческих императоров. Реформы иконоборческого периода были внешним выражением того факта, что византийское правительство вынуждено было в своей законодательной деятельности считаться с обычным правом славян. Еще Цахариев фон Лингенталь выступил с теорией, которая объясняла выступление свободного крестьянства в Земледельческом законе, указывала на роль свободной сельской общины, принесенной славянами в Византийскую империю и зафиксированной в законодательстве иконоборцев. Эта теория была воспринята и развита далее В. Г. Васильевским,² которому удалось установить сходство Земледельческого закона с Эклогой и на этом основании прийти к выводу, что эти законы изданы почти одновременно и несомненно должны считаться памятником законодательства иконоборческих императоров. Заслугою Ф. И. Успенского было дальнейшее развитие и окончательное утверждение этой теории. Именно в результате трудов Ф. И. наукой прочно был усвоен вывод о влиянии славянской иммиграции, общественного устройства и общинного землевладения славян на социально-экономическое развитие Византийской империи, вывод о том, что эти законы предназначались, главным образом,

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 675.

² В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев, ЖМНП, октябрь—ноябрь 1878 г.; его же, — О синодальном списке Эклоги, ЖМНП, январь 1879 г.

для нового славянского населения, будучи приспособлены византийским правительством для его быта и общественного строя. В другой работе Ф. И. идет еще дальше, считая, что в Земледельческом законе следует видеть не памятник византийского права в славянской оболочке, а памятник славянского права на греческом языке.¹ Он утверждает далее, что и Земледельческий закон и Эклога исаврийских императоров составляют древнейшую редакцию обычного права тех славян, которые жили в пределах империи.² Таким образом, продолжает в этой работе Ф. И. Успенский, присутствие славянских элементов в законах VIII в. Византийской империи ведет к заключению, что наплыв славян в VI и VII вв. не был волной, которая разбилась бы о крепкие устои греческой цивилизации, не оставив по себе никакого следа. Если зависимость славянских государств от Византии, говорит Ф. И., имела разнообразные влияния на всю культуру славянских племен, то нельзя отрицать и того, что славянство, в свою очередь, оказало влияние на Византию, да и не могло его не оказать, составляя главную податную и военную силу империи.³ По мнению Ф. И., греческий текст рисует ту эпоху, когда славянская община в Византии имела автономию и когда правительство не нарушало еще ее прав назначением пронариов, что началось в XII в.⁴

Ф. И. Успенский показывает, что складывавшееся на славянской основе Болгарское государство уже в начале IX в. было значительной величиной. На основе больших раскопок, которыми он в свое время сам руководил, Ф. И. с полной убедительностью отмечает,⁵ что удивительные военные сооружения в первой болгарской столице Абобе, а также дворцовые постройки, обнаруженные в этом месте, относятся ко времени Крума (802—815) или его сына Омортага (819—829). Законодательная деятельность Крума должна была уже положить прочные основания Болгарского государства, которое в основе своей, в качестве массового элемента, имело славянство. При хане Омортаге, как показывает Ф. И. Успенский, произошло завершение слияния болгар со славянскими племенами. Глубоко анализируя сведения, приводимые Феофаном и Генесием, Ф. И. дает обстоятельную характеристику деятельности Омортага, главным делом которого было заключение тридцатилетнего мира

¹ Ф. И. Успенский. Древнейший памятник славянского права, Юридический вестник, М., 1886, № 4, стр. 703—704.

² Там же, стр. 705.

³ Там же, стр. 705.

⁴ Там же, стр. 709.

⁵ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, 1927, стр. 262.

с Византией.¹ Блистательная эпоха болгарского царя Симеона породила новую политическую идею господства в Константинополе и устранения греческой гегемонии на Балканском полуострове. Ф. И. объясняет, почему Болгария не могла осуществить эту идею.² Причинами этого являлось разделение Болгарского царства на две половины; невозможность слить в одно целое разнообразные этнические элементы, существовавшие на территории Болгарии и стремившиеся к обособлению и автономии.

Походы Святослава произвели полный разгром в северо-восточной половине Болгарского царства. „С общехисторической точки зрения это обстоятельство имело громадные последствия в судьбах Болгарии; между прочим, в нем лежит причина усиления греческого элемента на счет славянских племен Балканского полуострова, которым так последовательно и с неумолимой суровостью воспользовался царь Василий Болгаробойца“.³ Приведем еще одну, может быть, несколько длинную выписку места, в котором Ф. И. излагает причины падения Болгарии: „Прежде чем нетерпимый и притязательный эллинизм не был сам принижен и в конце ослаблен мусульманским завоеванием, на Балканском полуострове делили господство греки и славяне. Рассматривая взаимные отношения империи и славянства в IX и X вв., не можем признать, что ход событий был благоприятен для вновь складывавшихся политических организаций в среде славянства. Византизм носил в себе слишком много неподвижности и консерватизма и не казался способным приспособляться к новым историческим условиям. Он при царях Македонской династии принял такое направление, которое казалось несовместимым с развитием политической и церковной жизни в славянских государствах на Балканском полуострове“.⁴

Особое место занимает у Ф. И. Успенского исследование вопроса о значении пропаганды христианства Византией. Целью христианизации славянских народов Ф. И. Успенский считает борьбу Византийской империи против движения на Восток Европы Каролингской империи и латинской церкви. Византийская империя для достижения этой цели пользовалась теми же средствами, какими Западная империя и латинская церковь пользовались для привлечения новых подданных, т. е. христианской миссией.⁵ В этом

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, стр. 263 и сл.

² Там же, стр. 769.

³ Там же, стр. 868.

⁴ Там же, стр. 858.

⁵ Там же, стр. 364; ср. М. Попруженко. Славяне и Византия. Византийский Временник, XXII (1915—1916), вып. 3—4, стр. 266.

направлении внимание обеих империй привлекал славянский юго-восток Европы. Ф. И. Успенский, рассматривая взаимные отношения славянских государств, придает особое значение деятельности моравского князя Ростислава, который вступил в союзные отношения с соседними славянскими странами, Болгарией и Чехией, подготовив этим значительную преграду для немецкого движения на Восток. Деятельность Кирилла и Мефодия в районах Европы, где было сильно влияние латинской церкви, является важной победой Византии. „Миссионерская деятельность Константина и Мефодия в Моравии, — говорит Ф. И. Успенский, — наносила большой ущерб притязаниям Западной империи на распространение ее влияния в Юго-восточной Европе, а равно латинской церкви; римский епископ в целях противодействия Константинопольскому патриархату принужден был не только признать совершившийся факт, но и воспользоваться употребленным против него оружием, т. е. славянским языком в богослужении, против восточной церкви и патриархата“.¹

Для изучения истории дальнейших взаимоотношений Византии и славян большое значение имеет более ранняя работа Ф. И. Успенского, его докторская диссертация об образовании Второго болгарского царства. Это исследование состоит из двух частей: 1) „Состояние Болгарии под византийским господством“ (1—73 стр.) и 2) „Борьба Болгарии за независимость“ (74—256 стр). Последняя часть разделяется на 10 отдельных очерков, охватывающих все болгарское движение с самого его начала и борьбу с Византией, т. е. всего 22 года (1185—1207). В „Положениях“, представленных для диспута,² автор отмечал:

а) Письма Феофилакта Болгарского в сопоставлении с императорскими хрисовулами и новеллами, а также мелкими сочинениями Евстафия Фессалоникского и Михаила Акомината дают иную постановку вопроса о состоянии Византийского государства;

б) в борьбе болгар с Византией, вместе с куманами и румунами, принимали участие русские, населявшие Трансильванию;

в) события III крестового похода имели значительное влияние на рост славянского движения на Балканском полуострове;

г) вопросу о богомилах не дано еще правильной постановки в исторической литературе. Выражение: армяне или павликиане не всегда соответствует термину богомилы;

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, стр. 430.

² К. Г. Рецензия на „Образование Второго болгарского царства“ Ф. И. Успенского. Критическое обозрение, 1879, № 10, стр. 41—42.

д) события IV крестового похода вызвали болгарского царя на роковое для дальнейшей судьбы Болгарии предприятие — основать Греко-болгарское царство;

е) Никейская империя, основанная при содействии болгарского царя, с одной стороны, способствовала утверждению латинян на Востоке, с другой — стала на пути к осуществлению широких политических задач Асенией;

ж) письма Михаила Акомината представляют новый материал для истории Никейской империи.

Во введении Ф. И. Успенский отмечает, что в его работе можно было обойти молчанием вопрос о состоянии Болгарии под господством Византии, но привлечение им писем Феофилакта Болгарского побудили его выполнить эту задачу. Ф. И. указывает, что изменения в гражданском управлении Болгарией относятся к XI в., причем он рассматривает отдельно западную и восточную части Болгарии. Подчинение последней было чисто номинальное, так как здесь хозяйничали половцы, в то время как западная Болгария вполне вошла в систему византийского управления; здесь в конце XI и начале XII в. не может быть и речи о привилегиях, изъятиях и какой бы то ни было местной автономии.¹ Изучая новые, привлеченные им источники, Ф. И. отмечает беспощадное бичевание византийской системы управления подвластными народами, особенно у Феофилакта Болгарского и Михаила Акомината. Тщательно изучая источники, Ф. И. приходит к выводу, что состав населения Болгарии значительно изменился под византийским господством. Славянское население, ослабленное борьбой с Василием Болгаробойцем, частью было оттеснено с юга греческими, турецкими и еврейскими колонистами, частью потерпело потери на севере с переходом за Дунай печенегов и половцев. Со второй половины XI в. византийские императоры принимают в свое подданство целые орды степняков, уступая им право селиться в северной Болгарии.² Так, в Македонии поселека была орда узов, в Могленской области — печенегов, на Вардаре — турецкая колония. Византия стремилась использовать эти новые элементы населения как оплот господства греков над болгарам и как контингенты плательщиков и годных к военной службе сил.³ Это решительное вытеснение славянского элемента из областей, представлявших сплошное славянское население

¹ Ф. И. Успенский. Образование Второго болгарского царства, Одесса, 1879, стр. 16.

² Там же, стр. 66.

³ Там же, стр. 67.

⁴ Византийский Временник, том I (XXVI)

ние, как отмечает Ф. И. Успенский, начинается уже в XI в. и достигает видимых результатов в XII в.¹

Во втором разделе своего труда Ф. И. излагает этапы болгарского движения в борьбе за независимость. Восстание болгар началось, по всем вероятностям, вслед за прекращением династии Комнинов. Современником болгарских Асений был основатель династии в Сербии Стефан Неманя, объединивший Сербию и с 1159 г. сделавшийся великим жупаном. Изучая новые, привлеченные им материалы, Ф. И. пришел к выводу, что вследствие союза сербов с болгарамы дело освобождения Болгарии к 1189 г. перешло в общее движение славян на Балканском полуострове.²

Очень важным выводом, к которому пришел Ф. И. в результате своего исследования, является положение о том, что в борьбе болгар против Византии принимали участие русские, населявшие Трансильванию.³ Данные, которые приводит Ф. И. Успенский, настолько убедительны, что вряд ли оставляют основание для сомнений. Они являются чрезвычайно интересным положением, позволяющим уже в те отдаленные времена искать корни исторической дружбы болгарского и русского народов. Эти данные неоспоримо говорят о распространении в древности русских поселений на нижний Дунай и за Карпаты. С этим согласуется найденное Ф. И. Успенским в неизданном ранее слове Михаила Акомината известие об участии русских в борьбе болгар за независимость. Вот это место:⁴ „Куманы (т. е. половцы), народ доселе не поработанный, негостеприимный и весьма воинственный, и те, что происходят из Вордоны (οἱ ἐκ Βορδόνης), презирающие смерть, ветвь русских, народ, любезный богу Войны (объятый Ареем), оказавшие помощь балканским варварам, склонились вместе с ними побежденными и погибли“. В выражении οἱ ἐκ Βορδόνης (Вордóнч из Врòдóнч, т. е. бродня) Ф. И. видит известных в ту эпоху (XII—XIII вв.) „бродников“, род русских казаков, принимавших, следовательно, участие в тогдашних событиях на Балканском полуострове. Не ограничиваясь этим, Ф. И. приводит целый ряд указаний на то, что имя это встречалось также и в странах нижнего Дуная (Трансильвании и Молдавии), из издания Актов Трансильвании (Fontes rerum Austriacarum, t. XV) и из издания угорских памятников Тейкера. Здесь в формах: Brodnic terra, regio Brodnici,

¹ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 71.

² Там же, стр. 137—139.

³ Там же, стр. 99. и сл.

⁴ Там же, приложение, стр. 35—36.

Borotnik, termini Prodnicorum, — говорит Ф. И., — нельзя не видеть русских бродников.

Критическому рассмотрению труда Ф. И. Успенского В. Г. Васильевский посвятил обширную рецензию, которая разрослась в самостоятельное исследование.¹ Оставаясь по ряду вопросов при особом мнении, В. Г. Васильевский в общей оценке труда считает, что он „является важным вкладом в нашу ученую литературу по византийской и славянской истории“. С этой оценкой согласен и М. С. Дринов.² Мы должны коснуться еще только одного положения Ф. И. Успенского. Касаясь вопроса о роли богомилов в борьбе болгар, Ф. И. отрицает участие богомилов в борьбе за независимость Болгарии. С этим положением Ф. И. нельзя согласиться. Мы должны целиком присоединиться к положению, высказанному членом-корреспондентом АН СССР В. И. Пичета в его докладе „Византия и славяне“ на заседании сессии Отделения истории и философии АН СССР 5 мая 1944 г. В своем докладе В. И. Пичета высказал новую и абсолютно правильную мысль о том, что в движении богомилов, помимо догматической и социально-экономической сторон, безусловно имеется сильная национально-освободительная струя, что богомилы были активными борцами за болгарскую национальную церковь, за самобытную культуру болгар против стремлений византийского правительства к полной эллинизации болгар, как и других славянских народов Балканского полуострова. Отправляясь от этой точки зрения, советские византиноведы и славяноведы должны подвергнуть глубокому исследованию движение богомилов и создать труд, посвященный этому интереснейшему движению в средневековой истории южных славян, которое неоднократно обсуждалось в русской ученой литературе, но которое должно подвергнуться полному и всестороннему пересмотру на основе марксистско-ленинской методологии.

Для выяснения конкретных форм влияния общественного строя славян на Византию имела большое значение работа Ф. И. Успенского „К истории крестьянского землевладения в Византии“.³ В этой работе Ф. И. подверг глубокому анализу вопрос о положении свободного крестьянства, пополняя имевшиеся до него материалы данными, встречающимися у писателя Михаила Акомината, письма которого дают возможность проследить за изменениями, относящимися к концу XII в. Мы еще вернемся к этой

¹ ЖМНП, ч. 204, июль—август 1879, стр. 144—217, 318—348.

² Отчет о XXIII присуждении наград Уварова, стр. 84—113.

³ ЖМНП, январь 1883, стр. 30—87; февраль 1883, стр. 301—360.

работе Ф. И. в разделе, посвященном анализу его трудов по социально-экономической истории Византии, где еще необходимо будет рассмотреть вопрос о связи социальных реформ и социальных движений в Византии с вопросом о значении славянского элемента в Византийской империи. Здесь мы укажем на особое значение, которое Ф. И. придавал анализу известного доклада Михаила Акомината. Как известно, в этом документе на первом плане стоит вопрос о тяжелой податной системе и о крестьянском малоземельи, об обезземеливании крестьянства представителями крупного феодального землевладения. „Но что всего замечательнее, — говорит Ф. И., — одним оброненным словечком доклад выдает величайшую тайну о национальности крестьян, ищущих земли и облегчения от податей“. По мнению Ф. И., термин „друнга“ в докладе не только смело может быть переведен словами община, жупа, задруга, дружина, но даже с прибавкой прилагательного „славянский“. ¹ Факты, приводимые Акоминатом, отмечает Ф. И., показывают, что около Афин жили славянские друнги. „Так как из других и тоже греческих источников известно, что Элада и Пелопоннес действительно были заселены славянами, то δρούγγος доклада является вполне на своем месте, и этот термин, примененный к различным запутанным фактам византийской и общеславянской истории, должен принести исторической науке громадную услугу. Само собой разумеется, что и социальное движение конца XII в. должно быть названо славянским движением“. ² Доказывая наличие славянских поселений в Греции, Ф. И. Успенский примыкает к выводам В. И. Ламанского, ³ считая их справедливыми. „Сделанные В. И. Ламанским выводы о сохранении славянского элемента на Востоке, — говорит Ф. И., — через весь византийский период, законны и необходимы, как основанные на верных посылах. Если чего недостает в рассуждениях В. И. Ламанского, — отмечает Ф. И., — так это оценки внутренней живой силы, самопомощи и живучести, которыми обладала сама славянская община“. ⁴

Как мы показывали выше, занимаясь изучением внутреннего строя Византии, Цахариэ фон Лингенталь и В. Г. Васильевский пришли к выводу о том, что крупное землевладение поглотило сельскую общину и что свободный класс землевладельцев пал в XI в. В результате своих многолетних трудов Ф. И. Успенский пришел

¹ ЖМНП, январь 1883, стр. 77.

² Там же, стр. 86.

³ В. И. Л а м а н с к и й. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании, СПб., 1859.

⁴ ЖМНП, февраль 1883, стр. 316—317.

к противоположному выводу о том, что „славянская община и свободное крестьянское землевладение, обеспеченное законодательством X в., продолжает жить в Византии в XII, XIII и XIV вв.“¹ Прочное установление этой точки зрения, совершенно меняющей направление в изучении истории Византии и южных славян, является большой научной заслугой Ф. И. Успенского. Этот вывод Ф. И. позволил ему поднять на большую высоту громадное значение политической роли славянского элемента в Византии во все времена, и в особенности в важные эпохи жизни империи. Ф. И. показал, что латинское завоевание дало внушительный урок византийскому правительству и заставило его снова сделать попытку опереться на крестьянскую общину. В тех областях, где возобновилось византийское господство, опять возобладало славянское право и крестьянская община получила новые гарантии и обеспечения.² Ф. И. Успенский подвергает анализу хрисовул Андроника II от 1319 г. Янинской жупе-комитуре, позволяющий выяснить тип отношений славянской общины к империи в XIV в. В этом ценном документе имеются неоднократные ссылки на обычное славянское право, признание законной силы за старыми уложениями и за учреждениями, восходящими к VII или, по крайней мере, к X в. и коренящимися в бытовой и политической жизни славян, что делает этот хрисовул весьма ценным документом для изучения отношения славян к Византийской империи в XIV в. Автономия Янинской комитурой обставлена весьма прочно. Здесь и собственный суд, общинное войско, невмешательство стратигов во внутреннюю администрацию, гарантии неотчуждаемости общинных земель и имущества, освобождение от обременительных налогов и т. д. Если, говорит Ф. И., остановиться на предположении, что по такому типу строились вообще отношения славянских комитур к империи, то для нас станет понятною живучесть славянской общины в Византии, внутренние силы ее, неистощимые в борьбе с различными враждебными элементами, и та устойчивость, с которою она держалась против самой центральной власти в течение многих веков.³ Таким образом, в результате своей исследовательской работы Ф. И. Успенский прочно ввел в научный оборот теорию о значении славянского элемента на протяжении всей социально-экономической истории Византии. Ослабление империи Ф. И. ставит в связь с постепенным падением крестьянской общины, которая, начиная с XII в., испытывала хотя и медленные, но весьма чувствительные удары со стороны системы проний. Изучение пронии Ф. И. требует вести рядом

¹ ЖМНП, февраль 1883, стр. 334.

² Там же, стр. 336.

³ Там же, стр. 351—352.

с изучением судеб славянской общины в XII и последующих веках. „Славянская община, — говорит Ф. И. Успенский, — пала тогда, когда правительство окончательно лишило ее обычных гарантий, коренящихся в отношениях VII—VIII вв. Но ослабление общины идет параллельно с ослаблением самой Ромейской империи“.¹

Связь развития общины с процессами феодализации Византийской империи, как она ставится в работах Ф. И. Успенского, будет рассмотрена в следующей главе, посвященной работам Ф. И. в области внутренней истории Византии.

Г Л А В А II

РАБОТЫ Ф. И. УСПЕНСКОГО ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Исследования в области социально-экономической истории Византии были основной линией научного творчества Ф. И. Успенского. Он ярко выделяется среди пионеров борьбы за „обмирщение“ русского византиноведения. Правда, начало особого интереса к изучению внутренней истории Византии было заложено трудами академика В. Г. Васильевского, особенно его „Материалами для внутренней истории византийского государства.“² Уже В. Г. Васильевский нанес заслуженный удар теориям, выдвигавшим особый, самобытный характер развития Византии, показав связь процессов развития общественно-экономического строя Византии с однородными явлениями в Западной Европе. Однако Ф. И. Успенский настолько широко охватил своими исследованиями все многообразие форм византийского общественного строя, что вряд ли не ему одному принадлежит заслуга привлечения внимания русских исследователей к вопросам внутренней истории Византии.³ Сам Ф. И. говорил об этом: „Наше внимание, нас, русских византинистов, было особенно направлено на выяснение проблем экономических, административных, социальных и других, относящихся к внутренней истории Византии. Крестьянский класс и земельная собственность, с париками, подчиненными владельцу и сидящими на его земле, и в то же время следы

¹ ЖМНП, февраль 1883, стр. 359—360.

² ЖМНП, март, апрель, июль и август 1879 г.

³ Г. Л о з о в и к. Федор Иванович Успенский (1845—1928). Некролог. „Историк-марксист,“ 1928, т. 9, стр. 111—112.

общинной собственности, вот вопросы, которые у нас никогда не переставали и не перестанут быть в порядке дня".¹

Ф. И. Успенскому принадлежит глубокое обоснование необходимости параллельного сравнительного изучения процессов социально-экономической истории Византии и средневекового Запада. Всестороннее исследование общественного строя Византии позволило ему показать ряд аналогий во внутренней истории средневекового Востока и Запада. Приведем еще одну цитату, указывающую на направление научной деятельности Ф. И. Успенского: „Нельзя уже более приписывать византийской истории не принадлежащих ей качеств и придумывать для нее особенные формулы векового застоя или неудержимого стремления к падению. Обнаруживаются мало-помалу принципиальные элементы, обуславливавшие живучесть и развитие государства. Выступают на видный план борьба экономическая и сословная, интересы провинций и центра, состязание между греко-римскими понятиями и учреждениями и варварскими, выделяются периоды с преобладающим влиянием того или другого принципа: словом, усматривается смена направлений, и становится очевидным основной закон развития человеческих обществ. С этой точки зрения своеобразие средневековой греческой истории не исключает аналогий и сближений с соответствующими периодами средневековой европейской истории“.²

Своими работами о взаимоотношениях Византии и славян, о влиянии общественного строя славян на развитие процесса феодализации Византии Ф. И. Успенский положил прочное начало в русской исторической науке исследованию вопросов генезиса и дальнейшего развития византийского феодализма. Как мы уже отмечали, важным этапом на этом пути является его работа „К истории крестьянского землевладения в Византии“,³ в которой анализу сведений, сообщаемых Михаилом Акоминатом, посвящена I глава, озаглавленная „Материалы о внутреннем состоянии Византии в сочинениях Михаила Акомината“. Ф. И. придавал огромное значение этим материалам, считая, что они занимают первое место после новелл X в., направленных на борьбу против крупного феодального землевладения. Особое значение Ф. И. приписывал докладной записке Михаила Акомината императору Алексею Комнину от 1198 г. Из этой записки Ф. И. взял один из эпиграфов ко всей своей работе, показы-

¹ F. J. Uspenskij. Notes sur l'histoire des études byzantines en Russie. Byzantion, II, (1925), p. 20.

² Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии, ЖМНП, январь 1883, стр. 31.

³ ЖМНП, январь 1883, стр. 30—87; февраль 1883, стр. 301—360.

вавший ее основное направление: „Гибель же славянских общин равняется гибели всего Афинского округа“. Центр тяжести этого раздела исследования Ф. И. видит в толковании термина „друнга“. Анализируя письма и другие материалы Михаила Акомината, Ф. И. пришел к выводу, что около Афин жили славянские друнги. Ф. И. указал, что термин „друнга“, примененный к многочисленным фактам истории Византии и южных славян, должен принести громадную услугу исторической науке. Опираясь этими фактами, Ф. И. считал твердо установленным, что социальное движение конца XII в. с полным правом может быть названо славянским движением.¹ Изучая письма Михаила Акомината, Ф. И. обнаружил, что короткое правление Андроника Комнина (1183—1185) отмечено новым, до того невиданным в Византии движением среди византийского крестьянства, когда крестьяне посылали ходоков в столицу, ставя в своих наказах вопросы размежевания земель, реформы податной системы и т. д. В исследовании Ф. И. устанавливается, что и в конце XII в. земледельческое население Византии делилось на два класса: свободных крестьян (эпики) и крестьян зависимых (парики). Как уже отмечалось выше, исследование Ф. И. показало, что славянская община и свободное крестьянское землевладение не только продолжали существовать в XII, XIII и XIV вв.,² но пережили и самую Византийскую империю. Это положение, само собой разумеется, имело большое значение для византиноведения, так как меняло установившиеся взгляды на историю Византии, а вместе с ней и южных славян. Развитию нового взгляда Ф. И. посвятил в своем исследовании специальную главу под названием „Славянская община в восточных и западных провинциях империи“. Ф. И. обратил здесь внимание на то, что если термин „парики“ завоевал прочную известность среди исследователей-византинистов, то значение термина „эпики“ было утрачено и не подвергалось необходимому анализу, без которого становится непонятным развитие поздневизантийского общественно-экономического устройства. Ф. И. пришел здесь к выводу, что термин „эпики“ был дан славянам с самого начала их поселения на землях империи и сделалось впоследствии синонимом свободного крестьянина в противоположность зависимому. В подтверждение своего взгляда Ф. И. анализирует ряд документов, как опубликованных в известном собрании Миклошича и Миллера, так и впервые им привлеченных. На основе этих документов Ф. И. дал глубокий анализ движущих сил, которыми держалась община на

¹ ЖМНП, январь 1883, стр. 86.

² ЖМНП, февраль 1883, стр. 334.

всем протяжении византийской истории, хотя, как видно, чем ближе к XV в., тем все более сильные удары испытывала община со стороны крупного феодального землевладения.

Большое значение имеют установленные Ф. И. Успенским определения встречающихся в византийских памятниках терминов „комитур“ и „митрокомия“. Первая, по его мнению, представляла собой объединение сел, связанных между собой общим землевладением, круговой порукой в отношении государственных повинностей и являвшихся одним административным целым. Митрокомия же была центром этого административного округа, от которого входившие в него села и деревни зависели в вопросах управления и суда. Сравнивая эти термины с соответствующими славянскими, Ф. И. приравнивал комитур к жупе, а митрокомию к жупному граду.¹ Возвращаясь к судьбе общины и свободного крестьянского землевладения, Ф. И. допускал, что община при Комнинах, особенно при Мануиле (1143—1180), претерпела серьезные удары. Следствием этого было уже упоминавшееся выше движение крестьян при Андронике Комнине. Однако, как показал Ф. И., латинское завоевание Византии для восстановленной империи Палеологов было наглядным уроком того, что свободное крестьянство является единственной надежной опорой империи, вследствие чего династия Палеологов снова оказалась вынужденной вернуться к политике поддержки крестьянской общины как источника пополнения армии и усиления государственных налоговых средств. Поэтому в тех областях, которые находились под властью империи при Палеологах, крестьянская община снова получила новые гарантии и обеспечения.² Этот вывод Ф. И. сделал на основе анализа хрисовула Андроника Старшего от февраля 1319 г. Янинской комитуре, о котором выше уже была речь.

Это исследование Ф. И. Успенского составило эпоху не только в русском, но и в мировом византиноведении. Отдельные критики упрекали его в том, что нельзя было на основании одного термина „друнга“ делать такие широкие выводы. Однако последующие исследования русских и иностранных византинистов не только не поколебали, но еще более укрепили основные выводы Ф. И. Успенского. Теория же Б. А. Панченко о господстве в Византии не общинного, а личного, индивидуального землевладения,³ поддер-

¹ ЖМНП, январь 1883, стр. 333.

² Там же, стр. 336.

³ Б. А. П а н ч е н к о. Крестьянская собственность в Византии, Изв. Русского археологического института в Константинополе, IX, вып. 1—2, София, 1904.

жанная в 1927 г. Острогорским,¹ прозвучала как высказывания одиночек, не встретившие в науке признания и поддержки. Нужно, наконец, отметить, что основные положения Ф. И. Успенского послужили базой для советских византинистов, развивавших на основе марксистского учения его взгляды о влиянии славянского общественного строя на процесс феодализации Византии.

Ф. И. в конце работы подвел итоги своего исследования. Они сводятся к тому, что само византийское правительство с самого начала славянских вторжений было заинтересовано в славянской общине, которая без обременения могла нести чуть ли не половину натуральных и денежных повинностей. Политическая роль славянского элемента в Византии была очень велика во все времена, усиливаясь в наиболее критические для империи периоды. Вместе с этим Ф. И. отмечает, что община, особенно начиная с XII в., испытывает сильные удары со стороны системы проний. Поэтому изучение пронии должно идти параллельно с изучением судеб общины в XII и следующих веках.²

Исследованию пронии посвящена другая важная работа Ф. И. Успенского „Значение византийской и южнославянской пронии“.³

В этой работе Ф. И. проследил постепенное развитие форм византийской пронии, установив, что время правления Мануила Комнина (1143—1180) является периодом построения земельных отношений, основывавшихся на пронии и зависимости земледельческого класса. Как и в других работах, относящихся к изучению внутренней истории Византии, Ф. И. Успенский применяет здесь свой основной метод исследования, изучая процесс развития пронии путем параллельного сравнения его с развитием бенефиция и поисков аналогий между западноевропейским и византийским феодализмом. Каждый этап развития пронии Ф. И. изучал, привлекая к исследованию всё новые источники.

Впервые термин „прония“ был выдвинут в 1860 г. Майковым, будучи приурочен им к древнесербскому праву и сравниваем с аналогичными формами русского кормления.⁴ Эти сведения были

¹ G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzant. Reiches im X. Jahrhundert, Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, XX, 1927.

² ЖМНП, февраль 1883, стр. 359—360.

³ Сб. статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского к 25-летию его ученой деятельности, СПб., 1883, стр. 1—32.

⁴ Майков. О земельной собственности в древней Сербии. Чтения Общества истории и древностей российских, 1860, кн. I; его же. Что такое прония в древней Сербии? Там же, 1868, кн. I.

несколько пополнены проф. Макушевым, привлечшим новые материалы из венецианского государственного архива.¹ Исследовав большое количество византийских памятников, Ф. И. Успенский показал, что термин „прония“ не перестает употребляться в общем отвлеченном смысле и тогда, когда за этим термином утвердилось специальное значение, подобно тому как на Западе бенефициальная система не вытеснила употребление термина „бенефиций“ в его простом первоначальном смысле.

Ф. И. Успенский выполнил очень важную работу, проследив все изменения в развитии термина „прония“. Свое специальное значение этот термин начинает иметь тогда, когда он соединяется со словами (иногда лишь подразумеваемыми в документах) дар или пожалование. Наделение в качестве пронии населенными местами может быть установлено в документах начиная уже с конца XI в. Этот факт Ф. И. Успенский установил, подвергнув тщательному анализу византийские памятники, изданные в III томе известного собрания Миклошича и Миллера. Среди этих памятников Ф. И. обратил внимание на документ, относящийся к владению вотчинами и поместьями на острове Крите родом Скордилов. В этом документе представители рода Скордилов подчиняются лицу, назначенному кефалией острова Крита, которое имеет полномочия вводить во владение архонтов и стратиотов и оберегать их вотчины и поместья. Сравнивая это место с другими документами, Ф. И. указал, что это была, очевидно, обычная формула. В период династии Комнинов (конец XI и XII вв.) наделение служилых людей землями в виде пронии было уже обычным явлением. От императоров династии Комнинов дошло до нашего времени много документов, которые позволили Ф. И. Успенскому представить весь процесс развития пронии в этом периоде и прийти к выводу, что время правления Мануила Комнина завершает процесс построения земельных отношений, в основе которых лежит прония. В пронию, как показал в своем исследовании Ф. И., попадали не только земли, на которых находились парика, но целые селения и области с крестьянами-общинниками. Ко времени IV крестового похода процесс образования проний зашел так далеко, что появилось тяготение отдельных провинций к местным центрам, что чрезвычайно ослабляло центральное правительство. Снова возвращаясь к сочинениям и письмам Михаила Акомината, Ф. И. показал, что в это время империя переживала сильный процесс выделения крупных землевладельцев-архонтов из подчинения центральному правитель-

¹ В. Макушев. О пронии в древней Сербии, ЖМНП, сентябрь 1874.

ству. IV крестовый поход и возникшая после него Латинская империя способствовали усилению процесса феодализации. Исследуя акты раздела империи, Ф. И. привлек дополнительно к исследованию данные, встречающиеся в Морейской хронике. В этой хронике, как указал Ф. И., архонтопулы Морен и всей Мессении собрались в Андравиде и заключили с крестоносцами договор, по которому „все архонтопулы удерживали за собой пронию, какие имели, обязавшись вассальной присягой и службой по размерам имущества“.

Для XIV в. Ф. И. обнаружил и обосновал оформление нового этапа в развитии пронии, когда уже появляется склонность отождествлять пронию с леном, а позднее эти понятия совсем сливаются, и в документах термин „прония“ становится тождественным с перенесенными на византийскую почву западными феодальными терминами. Наконец, в XIV—XV вв. процесс развития пронии заходит еще дальше, выражаясь в стремлении обратить условное, личное и временное пожалование в наследственную собственность (вотчину). Пожалование пронии вызывалось в значительной степени военными интересами центрального правительства, что Ф. И. устанавливает и по византийским и по славянским источникам. Однако в развитии пронии Ф. И. установил также и другую сторону — усиление политической власти прониаров, обособление проний в независимые от центрального правительства владения. Владения прониаров все чаще и все решительнее получали экскюссии (иммунитетные права), выделяясь из ведома местной административной власти.

Как показал Ф. И. Успенский, население земель, поступавших в пронию, становилось в прямую зависимость от прониаров. Положение крестьян, попадавших в зависимость от прониаров, было чрезвычайно тяжелым, так как они попадали под иго двойной эксплуатации, выполняя государственные повинности и бесчисленные работы, возлагавшиеся на них прониарами. Чрезвычайно важен вывод, к которому пришел Ф. И., изучая развитие пронии после падения Латинской империи и восстановления империи Палеологов. И никейские императоры, а вслед за ними и Палеологи должны были проводить в жизнь „освободительные“ теории, чтобы показать, что для населения Византии создается жизнь лучшая, чем во время Латинского государства.¹ Однако, раз начавшись, развитие пронии совершалось по своим внутренним законам, ослабляя общину, а тем самым лишая правительство его опоры в борьбе

¹ Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской пронии. Сб. статей, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского... СПб, 1883, стр. 31—32.

против крупного феодального землевладения. Но, как мы видели раньше, община не исчезла, — она нашла в себе внутренние силы, которые помогли ей не только удержаться до конца, но и пережить империю.

В тесной связи с работами, относящимися к вопросам византийского землевладения, находится работа Ф. И. Успенского „Военное устройство Византийской империи“,¹ так, как по его мнению, анализ феодального устройства тесно связан с изучением мер византийского правительства по отношению к земельному устройству крестьян. Это положение Ф. И. основывал на выводе, к которому он пришел в результате своего исследования, — выводе о том, что военноподатная система в Византии в конечном счете основывалась на организации военно-податных земельных участков. Работа Ф. И. представляет собой подробное описание форм военного управления империи в том виде, как оно сложилось в X в. К этому времени военное управление было сосредоточено в 24 фемах, находившихся под управлением стратиггов. Кроме этих округов Ф. И. выделил в своем исследовании специальные военные организации, носившие наименование тагм. В то время как фемы — войска провинциальные — находились под командованием стратиггов, тагмы, возглавляемые доместиками и друнгарием, находились в Константинополе и, как это неоднократно отмечается византийскими историками, принимали участие в дворцовых переворотах.² Значительный интерес представляют сведенные Ф. И. Успенским в одно целое известия, излагающие административно-военную организацию каждой фемы, на которые делилась Византийская империя. Эти материалы дают нам возможность составить себе ясное представление о всех военных должностях и чинах, находившихся под командованием стратига и составлявших лестницу византийской военной иерархии.

Чрезвычайно интересен факт, на который обратил внимание Ф. И. Успенский, а именно, что две столичные тагмы — схолярии и экскувиты — тесно связаны с константинопольскими димами, а их доместики стоят во главе этих димов. Это сообщение основано на еще недостаточно разъясненном известии Константина Порфирородного, которое приписывает доместику схоляриев титул руководителя дима венетов, а доместику экскувитов — титул руководителя дима

¹ Ф. И. Успенский. Военное устройство Византийской империи, Изв. Русского археологического института в Константинополе, VI, вып. I, София, 1900, стр. 154—204.

² Там же, стр. 154—158.

прасинов.¹ Хотя все сведения, приведенные Ф. И. Успенским в стройную систему, представляют большой интерес, однако главное значение этого исследования состоит в другом. Исследование Ф. И. показало, что фема представляла собою такую организацию сельского населения, которая наилучшим образом втягивала его в военное устройство империи и заставляла его с наилучшим успехом отбывать воинскую повинность. Заслугою Ф. И. является вполне убедительное доказательство того, что византийское правительство поставило военную службу в зависимость от землевладения, в чем заключалась устойчивость и живучесть фемного устройства.² Интересна также выполненная Ф. И. Успенским систематизация наиболее важных моментов византийского законодательства по отношению к военным участкам. Они сводятся к следующему: 1) стратиотам воспрещается продавать имущество, с которого они несут военную службу. Военный участок обязательно переходит от отца к сыну с одинаковым обязательством военной службы. В случае дележа участка между несколькими сонаследниками они обязаны нести с него службу в складчину; 2) частная собственность стратиота, внесенная в военные писцовые книги, разделяет судьбу военно-податного надела, т. е. не подлежит отчуждению; 3) от покупки военных участков и права наследования в них устраниются знатные или чиновные лица, митрополит, епископ, монастырь, богоугодные учреждения и т. д.; 4) признается, однако, право сорокалетней давности. Военный участок теряет свой военно-податный характер, если кто докажет, что владели им 40 лет по частному праву.³

Таким образом, Ф. И. в этом исследовании показал, что судьба воинских участков в Византии была тесно связана с судьбой крестьянского землевладения. На этом очень долго виждилась военная сила империи, и ослабление ее неразрывно связано с распадом системы стратиотских участков, которые, как и община, в поздне-византийское время испытывали мощные удары со стороны крупного феодального землевладения. После этого исследования Ф. И. Успенского вплоть до нашего времени появлялись и появляются новые работы, посвященные анализу фемного строя и военного устройства Византийской империи. Однако для того времени, когда она была написана, работа Ф. И. была новым, свежим исследованием, по-новому поставившим изучение военного строя Визан-

¹ Ф. И. Успенский. Военное устройство Византийской империи, стр. 175.

² Там же, стр. 198.

³ Там же, стр. 201—202.

тии. Эта работа дала толчок углубленному изучению многообразных форм византийского военного управления, и в этом состоит большая заслуга Ф. И. не только перед русским, но и перед мировым византиноведением.

Глубоко и всесторонне изучая вопросы внутренней истории Византии, Ф. И. Успенский не мог обойти молчанием монастырское землевладение, без анализа которого нельзя понять всей сложности процесса развития византийского феодализма. В этом направлении особое значение имеет его монография о Вазелонских актах, изданных им совместно с В. Н. Бенешевичем.¹ Эта работа является изданием рукописи, хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под № 743 и содержащей копию актов Вазелонского (около Трапезунта) монастыря. Хотя содержащиеся в этой рукописи материалы относятся только к Трапезунтской империи, тем не менее они имеют первостепенное значение для истории монастырского землевладения в Византии в XIII—XIV вв. Русские и иностранные византилисты всегда проявляли большой интерес к изучению монастырского землевладения в Византии. Это станет понятным, если учесть удельный вес монастырского землевладения в общественно-экономическом строе Византийской империи. Наделенные правительством широкими правами экскусии, выделяемые все чаще и чаще из общей административной системы, монастыри вырывались из общего круга социально-экономических мероприятий правительства, которому приходилось отказываться от большого количества денежных и натуральных повинностей в пользу монастырей. Особое значение имело то обстоятельство, что под монастырскую экскуссию попадали не только монахи, но и жившие на церковно-монастырских землях крестьяне, что отнимало у государства огромное количество людей, способных носить оружие. Огромные земельные фонды монастырского землевладения тормозили расширение системы стратиотских участков, что больно ударяло по обороноспособности империи. Исследование Вазелонских актов, произведенное Ф. И. Успенским, чрезвычайно ценно тем, что оно дало науке новые материалы, характеризующие положение крестьян, прикрепленных к монастырским землям. Под тяжелым грузом двойных податей и повинностей, которые несли монастырские парики монастырю и государству, многие парики бежали с монастырских земель и уходили в поместья крупных светских землевладельцев. Кроме держа-

¹ Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV вв., Л., 1926.

ния париков, церковно-монастырское землевладение могло сдавать крестьянам земли на разнообразных условиях. Одной из самых распространенных форм была сдача земли в долгосрочную аренду. Другой формой была аренда по найму; кроме того, сдача в аренду могла производиться на основе господствовавшего в Византии паричского или присельнического права. Парики, жившие на монастырских землях, не имели права ни на отчуждение, ни на передачу своих участков, ни на самовольный уход с тех участков, на которых они были поселены. Как установил Ф. И. Успенский, все то, что относилось к борьбе крупного землевладения с мелким крестьянским, не в меньшей степени имело место на землях церквей и монастырей. Церкви и монастыри, представлявшие собою самых крупных феодалов-землевладельцев, были тяжелым бедствием, поглощали мелкую земельную собственность, обращали целые деревни в свои усадьбы, разоряли крестьянские общины.¹

Помимо общих работ, позволивших Ф. И. Успенскому установить направления в процессе развития византийского землевладения, его перу принадлежит большое количество исследований, охватывающих самые разнообразные вопросы, относящиеся к повседневной жизни византийской деревни. Они рисуют нам технику измерения земли в Византии, показывают содержание и приемы составления византийских писцовых книг, практику византийских землемеров и т. д. Среди этих работ особое значение имеют „Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии“² и „Следы писцовых книг“.³ В первой работе Ф. И. Успенский объяснил цель своего исследования тем, что наука крайне заинтересована в установлении сходства и в хозяйственной системе на Востоке и Западе Европы, что опять подчеркивало значение сравнительного метода исследования, лежавшего в основе научной деятельности Ф. И. Успенского. Как и в других своих работах, Ф. И. приближается к материалистическому пониманию истории, когда говорит, что причины различия в общественном и политическом устройстве Запада и Востока следует искать в различиях организации землевладения. Работа „Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии“ содержит тщательное описание техники измере-

¹ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты, Л., 1926, стр. XIX.

² Ф. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии. Основные приемы измерения земли в Византии, ЖМНП, октябрь 1888, стр. 229—259.

³ Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии, ЖМНП, январь 1884, стр. 1—43; февраль 1884, стр. 289—335; июль 1893, стр. 1—52.

ния земли, и без этих материалов не может и еще долго не сможет обойтись ни один исследователь, занимающийся историей византийского землевладения. В этой работе приводятся расчеты единицы измерения пахотной земли, шеста или веревки, равных старой русской сажени; показан византийский сокарь, установленный в 10 или 12 сажений. На основе сведений византийских геометров Ф. И. установил очень интересное наблюдение — это крестьянская земля измерялась не той мерой, что помещицья, что практиковалось для оказания помощи мелким землевладельцам. Исходя из этих установленных мер, Ф. И. определил величину византийского модия и представил практику его измерения. Чрезвычайно важным для уяснения византийской податной системы является установленная Ф. И. зависимость ее от количества модиев. Ф. И. привел в ясную систему также и зависимость величины наделов от качества земли. Измерив модий, Ф. И. установил и размер зевгаря, который условно равнялся 40 модиям земли и расценивался по соображению качества земли. В данной работе Ф. И. напечатал составленные им очень важные таблицы, показывающие, какое количество модиев земли разного качества приходилось на одну денежную единицу (иперпер). Подводя итоги этим таблицам, можно легко установить сделанное Ф. И. наблюдение: что действительное количество модиев в зевгаре должно было колебаться в зависимости от качества почвы между 105 и 420. Очень интересным является извлеченный им из Палатинского кодекса хозяйственный расчет, составленный помещиком по небольшому имуществу в $11\frac{1}{2}$ зевгарей и представляющий собой схему организации сельского хозяйства,¹ или, вернее, инструкцию о переписи небольших подчиненных помещику владений, населенных зависимыми крестьянами с различной хозяйственной мощностью. Этот расчет, как отмечает Ф. И., идет от времени господства системы проний. Он интересен тем, что показывает, как помещицья власть наложила руку на крестьянские вольности и ограничила право захвата вольных, пустопорожных земель. Как показал Ф. И., интерес помещика заключался в том чтобы иметь как можно больше крестьян на пожалованной ему земле и заставить их лучше обрабатывать небольшие участки. С усилением системы проний, как показал Ф. И., меняется к худшему порядок крестьянского землевладения. Если прежде, кроме подворных участков, крестьяне владели правом участия в общенной земле и на общинных выгонах, то на помещицьею земле этот порядок меняется в ущерб крестьянам, которые теряют право распо-

¹ Ф. И. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии, стр. 255—256.

ряжения общинными землями, захваченными помещиком.¹ Наконец, в этой работе Ф. И. Успенского приводятся интересные данные по исчислению казенных податей с земли, арендной платы за землю.

Много ценного материала, дающего подробности податного обложения, собрано Ф. И. Успенским на основе изучения византийских писцовых книг. Особый интерес представляет эта работа потому, что в ней содержатся данные к вопросу об обложении городского населения. В работе Ф. И. Успенского дан обширный и глубокий анализ окладного листа города Лампсака.² Этот документ обратил на себя внимание Ф. И. особенно потому, что в нем содержится не только подробное описание статей податного обложения, но и приводятся цифровые данные сумм податей с каждой статьи обложения. Особенности византийского города, в котором еще не была завершена дифференциация классов и не могло существовать полное разграничение крестьянского и городского элементов даже внутри города, еще более придает ценности документу Лампсака, так как он содержит, таким образом, данные об обложении не только городского населения, но и сельского. Общая сумма окладного листа города Лампсака составляет 1671 иперпер, 6 кератиев. Обращает на себя внимание тот факт, что, в то время как 50 человек городского населения платят 51 иперпер, 6 кератиев, 21 зевгарат, т. е. податных крестьянских хозяйств, подлежат более высокому обложению, платя 208 иперперов. Обложению по этому окладному листу подлежат также мельницы, соляные варницы, рыбные промыслы, рыболовные суда. В окладном листе упоминаются также подати с арендованных виноградников, судебные пошлины, налоги с пользования пристанями, общинными землями.³ Этот документ важен еще и тем, что подтверждает уже прежде сделанные В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским, а также и другими исследователями выводы об организации земельных участков. Мы видим в документе, что под зевгарами и воидатами нужно понимать крестьянские хозяйства (стаси); в их состав входят двор, усадьба, пахотная земля, виноградники, фруктовые сады, домашний и рабочий скот⁴ и т. д.

Говоря о терминах, обозначающих крестьянское хозяйство формах объединения сел и деревень, нам необходимо вернуться к изданным Ф. И. Успенским Вазелонским актам, которые имеют

¹ Ф. И. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии, стр. 257.

² ЖМНП, февраль, 1884, стр. 289—335.

³ Там же, стр. 293—294.

⁴ Там же, стр. 310.

большое значение для определения характера эволюции форм византийского феодализма. Чрезвычайный интерес представляет определение терминов административного и феодального деления, сделанное Ф. И. Успенским. Эти термины встречаются и раньше, но в Вазелонских актах они впервые получают полное освещение. Речь идет о стаси и проастии и хорафии. Изучая Вазелонские акты, Ф. И. сделал вывод, что хорафий — это земельный организованный участок, соответствующий русскому понятию „усадебная“, связанный экономически с деревней или поселком. Но между хорафием и деревней Ф. И. обнаружил в Вазелонских актах промежуточное деление, именуемое стасью. Значение стаси увеличивается тем, что на это социально-экономическое объединение влияла все более развивавшаяся вотчинная сеньериальная система, известная уже с XI в. под именем пронии. Проастий, термин, означающий дальнейшее развитие стаси, представляет собою сеньериальную вотчину, вотчину и усадьбу, разделенную на участки, населенные зависимыми от помещика крестьянами. Как установил Ф. И. Успенский, термин „хорафий“ почти всегда сочетается с именем его владельца. Чрезвычайно знаменательна система переделов земельных участков, представляющая собой важное явление в динамике форм византийского феодализма. Мелкие доли к XIII—XIV вв. все больше лишаются запретительных мер, направленных к защите мелкого крестьянского землевладения. Наделы — доли в XIV в. продаются, обмениваются, передаются по завещанию, дарятся монастырям и т. д. Эти процессы усиливают дробление участков, сосредоточение долей в руках крупных светских феодалов, а особенно — церковно-монастырского землевладения.¹

Среди исследований, относящихся к вопросам монастырского землевладения, должны быть в первую очередь названы „Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI и XII вв. о раздаче церковных имуществ. Харистикарии“² и „Акт отвода земли монастырю богородицы Милостивой“.³ В первой из этих работ Ф. И. Успенский дает яркую картину роста экономического могущества византийских монастырей. Наблюдавшаяся и в более раннее время харистикарная система раздачи имущества, состоявшая в пожаловании монастырей лицам духовным и светским, полу-

¹ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты, Л., 1926, стр. XXXIII. Ср. также Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация Византии, *Анналы*, № 2, II, 1922, стр. 95—114.

² Известия Русского археологического института в Константинополе, V (1900).

³ Там же, I (1896).

чила особое распространение в XI и XII вв. Ф. И. Успенский, исследуя постановления константинопольских соборов этого времени, обратил внимание на большие злоупотребления, которые имели место при харистикарной системе и против которых неоднократно протестовали церковные власти. Среди этих злоупотреблений он обратил особое внимание на то, что власти стали без разбора раздавать харистикии светским людям, даже женщинам. Извращалась самая идея передач имущества в порядке харистикиев, когда получавшие монастырские имущества стремились только к тому, чтобы извлекать из них как можно больше дохода. Постановления соборов в своих решениях строго преследовали эти злоупотребления, однако, как показал Ф. И., харистикарии не обращали никакого внимания на решения соборов, которые были бессильны изменить характер харистикарных владений. Наоборот, все более побеждала тенденция, которая имела место и в крупном светском землевладении, направленная к превращению харистикий в наследственную собственность.

Изданный Ф. И. Успенским „Акт отвода земли монастырю богородицы Милостивой“¹ интересен целым рядом подробностей в технике передачи монастырям крестьян с принадлежавшей им землей. Ф. И. придавал опубликованному им акту большое значение потому, что он отличается от других актов полнотой, подробностями и своим составом. Важен этот акт также и упоминанием термина, обозначавшего наименование безземельных крестьян (актимонов). Как показал Ф. И.,² этот разряд крестьян образуется из свободных крестьян, ушедших с прежнего места и ищущих на новом месте более благоприятных условий жизни. Поселяясь на свободных владельческих или общинных землях, эти крестьяне не сразу записывались на тягло, а пользовались некоторое время льготой. Они составляли неистощимый запас рабочих рук, которые искали себе применения на монастырских землях. В рассмотренном Ф. И. Успенским акте эти актимоны характеризуются как крестьяне, не имеющие ни земли, ни скота, ни инвентаря. Они обрабатывали владельческую землю волами владельца, в данном случае монастыря, в противоположность тому разряду крестьян, который пахал на своих волах и назывался зевгаратами и воидатами. Наконец, в этом акте подтверждается различие мер для измерения земли мелких и крупных землевладельцев, уже отмеченное Ф. И. Успенским в других работах.

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, I (1896), стр. 1—34.

² Там же, стр. 5.

Мы показали, к каким выводам пришел Ф. И. в своих основных работах, посвященных вопросам крестьянского и феодального землевладения в Византии. Среди огромного литературного наследства, оставленного Ф. И. Успенским, мы можем найти немало других работ, относящихся к этим же вопросам. Но и рассмотренных трудов Ф. И. достаточно, чтобы показать, что он не оставил без внимания ни одного вопроса, проник в самую глубину земельных отношений в Византии, показал их в самых повседневных, практических формах, представил их нам, как яркие картины живой действительности византийской деревни, без устали добывая новые данные, привлекая к исследованию новые источники. Его работы в этом направлении представляют собой неоценимый вклад в мировое византиноведение.

Ф. И. Успенский, однако, не ограничивался вопросами землевладения. Вне его поля зрения не остались и другие стороны социально-экономического строя Византийской империи. В своей работе „Партии цирка и димы в Константинополе“¹ он пришел к весьма важному выводу, что к началу VI в. димы оформились как своего рода политические партии, отражавшие то или иное общественно-политическое течение. Эта статья дала толчок ряду ученых к глубокому исследованию роли димов и цирковых партий в общественно-политической жизни Византийской империи, в результате чего появились интересные работы Манойловича, русского ученого проф. А. П. Дьяконова и др.

В работе „Константинопольский эпарх“² Ф. И. Успенский коснулся весьма важной, но еще и до сих пор очень мало исследованной темы византийского города. Он показал в этой работе роль эпарха столицы, его взаимоотношения с судебными властями, его функции по контролю над ремеслами и торговлей, обрисовал его административные права по отношению к населению Константинополя. Ф. И., определяя функции эпарха византийской столицы, установил, что он является прямым преемником префекта города древнего Рима, к которому впоследствии перешли также и функции префекта претории.³ Функции эпарха, как показал Ф. И., были весьма широки. Они состояли, главным образом, в охранении общественной безопасности. Эпарху были присвоены весьма значительные полномочия: он имел право суда, ограничения личной свободы, административной высылки. Он заведывал торговыми

¹ Византийский Временник, I (1894).

² Изв. Русского археологического института в Константинополе, IV, вып. 2, София, 1899, стр. 79—104.

³ Там же, стр. 80.

и промышленными заведениями, под его контролем были ремесленные корпорации.¹ Эпарх руководил не только производством этих корпораций, особенно хлебопеков, но и устанавливал норму прибыли.² В его ведении находится и внешняя торговля, для чего он назначает легатора, который следит за прибывающими в столицу иноземными купцами, осматривает привезенные ими товары и регулирует порядок их продажи.³ Как отмечает Ф. И., законодательные памятники категорически ставят в зависимость от эпарха все население столицы.⁴

Несколько особняком стоят работы Ф. И. Успенского, посвященные истории Трапезунтской империи. Когда в 1916 г. русская армия заняла Трапезунт и оккупировала прилегающую к нему значительную область, Ф. И. Успенскому было поручено заняться регистрацией и охраной археологических памятников. С этой целью им были организованы две экспедиции, которые работали под его непосредственным руководством летом 1916 и 1917 гг. Истории Трапезунтской империи Ф. И. придавал большое значение с точки зрения русских интересов. „Ее право на наше внимание, — пишет он, — основывается не только на том, что, она с 1207 г. по 1461 г. была на южном побережье Черного моря хранительницей традиций Римско-Византийской империи в администрации и праве, в науке и искусстве, но еще и потому, что простирала свое влияние на северные берега Черного моря, держала в своей зависимости города на южном берегу Крыма и имела постоянные сношения с независимым крымским княжеством Феодоро (ныне Мангуп) и вообще от начала и до самого падения претендовала на господство в южной России...“ И дальше: „... эта империя в своем происхождении и существовании опиралась как на грузинскую народность, так и на весьма мало еще выясненные связи — экономические и торгово-промышленные — с Крымом и Кавказом. Эти последние соображения легко приводят нас к заключению, что история Трапезунтской империи входит некоторою частью в задачи, принадлежащие истории России“.⁵

На основе материалов, добытых археологическими экспедициями в Трапезунте и близлежащей области, Ф. И. написал целый ряд работ и отчетов, которые служили для него как бы предваритель-

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, IV, вып. 2, София, 1899, стр. 84.

² Там же, стр. 96—97.

³ Там же, стр. 97.

⁴ Там же, стр. 101.

⁵ Ф. И. Успенский. Очерки из истории Трапезунтской империи, Л., 1929, стр. 2.

ными этюдами, перед тем как взяться за более подробное изложение истории Трапезунтской империи. Сюда относятся „Сообщение и отчет о командировке в Трапезунт“¹ и доклад в Академии Наук, в заседании 12 октября 1916 г.² „Трапезунтская рукопись в Публичной библиотеке“³ „Усыпальница царя Алексея IV в Трапезунте“⁴ „Социальная эволюция и феодализация Византии“⁵ „Трапезунтская империя“⁶ „Выделение Трапезунта из состава Византийской империи“⁷ и уже упоминавшаяся монография о Вазелонских атаках. Все эти подготовительные работы послужили основой для монографии „Очерки по истории Трапезунтской империи“, которая была лебединой песней Ф. И. Успенского и вышла в свет в 1929 г., уже после смерти автора.

Эта монография, как отмечал в предисловии Ф. И., имела целью ознакомить русского читателя с историей Трапезунтской империи и пополнить сведения, которые имеются у занимавшихся историей этой империей ученых Фальмерайера,⁸ Финлея⁹ и Миллера¹⁰, а также разъяснить отношения Трапезунта к Кавказу и Крыму. Представляя сплошное изложение хода истории Трапезунтской империи, монография содержит материалы по топографии Трапезунта, его археологическим памятникам, описания храмов, построек Трапезунта, остатков церковной живописи и т. д. Однако особый интерес эта работа представляет потому, что дает большой материал по внутренней истории империи, ее административному устройству, военному управлению. Хотя эти материалы относятся только к Трапезунтской империи, они, как указывал сам Ф. И. Успенский, имеют большое значение для уяснения общественно-политического строя Византийской империи. Тем не менее, хотя в Трапезунте в течение долгого времени господствовали общевизантийские имперские законы, и администрация, „местные особенности, вытекающие из сожительства на территории Трапезунтской империи разных народностей, а равно влияние соседних с империей народов, должны были наложить особую печать на внутреннюю жизнь Трапезунта и повлиять

¹ Изв. Академии Наук, 1916, стр. 1463—1480.

² Там же, стр. 1490—1492.

³ Изв. Академии Наук, 1917, стр. 719—724.

⁴ Византийский Временник, XXIII (1917—1922), стр. 1—14.

⁵ Анналы, II (1923), стр. 95—114.

⁶ Анналы, IV (1924), стр. 20—33.

⁷ Seminarium Kondakovianum, I (1927), стр. 21—34.

⁸ Falmerayer. Geschichte des Kaiserthums von Trapezunt, München, 1827.

⁹ Finlay. Medieval Greece and Trebizond, 1851.

¹⁰ William Miller. Trebizond the last Greek Empire, London, 1926, Bibliography, pp. 126—136.

на устройство империи, в особенности в период ее созидания в первой половине XIII в., когда она была некоторое время совершенно изолирована от сношений с коренными греческими областями".¹

Ф. И. показывает в своем исследовании, что основным принципом административного устройства империи была военная организация по тому типу, который был выработан в Византийской империи, начиная с VIII в., и известен под названием фемного строя. В Трапезунте Ф. И. отмечает отступления от общевизантийской системы, вызванные, главным образом, развитием поместно-вотчинных тенденций в крупном феодальном землевладении.² В исследовании тщательно изучены ценные источники, относящиеся к землевладению Трапезунтской империи. При всех особенностях в ее развитии мы наблюдаем здесь тот же рост монастырского землевладения, ту же борьбу крупных землевладельцев против центрального правительства, словно социально-экономический строй Трапезунтской империи был отражением сложившихся в течение многих веков социальных отношений Византийской империи. Одни и те же язвы разедали государственный организм обеих империй, и, главным образом, распадение их на целый ряд обособленных административно-хозяйственных центров, почти не зависимых от центрального правительства. Но, как отмечает Ф. И. Успенский, "... нигде ослепленное самоволие отдельных лиц не выражает так ярко деморализованное состояние греческого общества, как в Трапезунте".³ И действительно, изучая причины политической борьбы, которая в течение долгих лет велась в Трапезунтской империи между партиями, враждебными Константинополю, и "византийской" партией, Ф. И. видит сторонников борьбы против объединения с Константинополем в трапезунтской служилой аристократии, которая "в смысле сословного, замкнутого в себе и стремящегося к определенным целям класса, по всем данным, указанным выше, была на верном пути к феодализации империи и образованию отдельных и независимых от царской власти сеньерий".⁴

Неоднократно отмечая, что внутренняя история Трапезунтской империи недостаточно изучена, что не позволяет еще прийти к окончательным выводам, Ф. И. Успенский указывает, однако, что причинами постепенного ослабления империи были притязания константинопольских Палеологов на опеку над Трапезунтом и те элементы

¹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезунтской империи, Л., 1929, стр. 82.

² Там же, стр. 83.

³ Там же, стр. 100.

⁴ Там же, стр. 113.

в исторической эволюции этой империи, которые вели к обособлению ее окраин во все более самостоятельные мирки.¹ Исследование кончается изложением внешних событий, приведших к гибели Трапезунтской империи (в 1461 г), лишь на восемь лет пе режившей Византийскую империю.

Исследования Ф. И. Успенского по социально-экономической истории Византии представляет собою неоценимый вклад в мировую историческую науку. Его труды, наравне с трудами В. Г. Васильевского, поставили русское византиноведение на большую теоретическую высоту, обеспечили ему почтенное место в мировом научном византиноведении, создали школу первоклассных исследователей-византинистов, разрабатывавших отдельные вопросы социально-экономической, политической и культурной истории Византии. Его пытливый ум неутомимого исследователя проникал во все стороны социально-экономического быта Византии и открыл для науки многие его стороны, бывшие до него неизвестными, чрезвычайно расширив поле действий для будущих исследователей. Ф. И. Успенский не был марксистом, но его научный объективизм выдающегося исследователя заставлял быстро подходить к материалистическому пониманию истории, о чем в первую очередь свидетельствует его исключительный интерес к вопросам социально-экономической истории Византии. Его исследования в этой области будут поэтому еще долго служить основой для развития советского марксистского византиноведения.

ГЛАВА III

ИССЛЕДОВАНИЕ Ф. И. УСПЕНСКОГО В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ВИЗАНТИИ

Исследования в области истории общественно-политической идеологии и философско-религиозной борьбы в Византии составляют в научном творчестве Ф. И. Успенского также большой и значительный раздел, вносящий в мировую историографию по византиноведению много свежих и интересных страниц. Первым трудом Ф. И., которым он решительно перешел к исследованиям по византийской истории, была работа, относящаяся к источниковедению и вместе с тем к истории византийской образованности. Эта работа, пред-

¹ Ф. И. Успенский Очерки по истории Трапезунтской империи, Л. 1929, стр. 125, 126.

ставленная им к защите в качестве магистерской диссертации, была посвящена анализу творчества византийского писателя Никиты Акомината.¹ Никита Акоминат привлек внимание Ф. И. потому, что его историческое произведение было посвящено чрезвычайно интересному и сложному периоду в истории Византийской империи. Никита в своей истории начинает изложение с 1118 г., когда умер Алексей I Комнин, и кончает 1206 г., охватывая события четвертого крестового похода и образования Латинской империи. Ценность его исторического труда состоит в том, что он занимал видное положение при византийском правительстве и был очевидцем описываемых им событий. Как говорит Ф. И. в предисловии к своему исследованию, Никита Акоминат заслуживает особого внимания потому, что он „в своей истории занимается важнейшей эпохой средних веков, когда враждебные отношения Запада к Востоку достигли самой высокой степени напряжения, разразившись крестовым походом и основанием Латинской империи в Царьграде“.

В главе о воспитании Никиты Акомината и его биографии Ф. И. Успенский рисует нам картину развития умственной жизни в Византии в IX—XII вв.,² в частности — состояния высшего образования в эту эпоху. Ф. И. делает совершенно правильный вывод, что рост культуры в Византии в IX—XII вв., появление высокообразованных людей, выдающихся деятелей византийской литературы, ряда ученых работ, — все это свидетельствует о том, что Византия имела достаточно средств образования — школ, библиотек, преподавателей.³

Ф. И. Успенский рисует нам Никиту Акомината как автора, отличавшегося глубокой правдой и большим искусством исторического анализа, как историка, стоявшего выше борьбы вероисповеданий, отделявшей Восток от Запада. Как говорит Ф. И., — Никита Акоминат понимал, что не в религиозных спорах заключалась противоположность византизма и латинизма, а во всем строе исторической жизни, в общественно-политических воззрениях той и другой стороны. „Такого глубокого взгляда, — отмечает Ф. И., — напрасно стали бы мы искать во всей тогдашней литературе“.⁴ Никита глубоко понимает причины ослабления империи. Не называя вещи своими именами, он видит их в усилении процесса феодализации империи, в том, что знатные роды крупных землевладельцев, а иногда и члены императорской фамилии стремятся к почти полной независимости в провинци-

¹ Ф. И. Успенский. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон, СПб., 1874.

² Там же, стр. 11—20.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 63.

ях, заключая даже иногда, для подкрепления своих позиций, союзы, со своими соседями — врагами империи.¹ Исследование Ф. И. представляет собой глубокий этюд по истории византийской культуры и, по отзыву В. Г. Васильевского, изложенному в его статье о магистерской диссертации Ф. И. Успенского, „остается единственным во всех литературах исследованием, посвященным писателю, несомненно заслуживающему и требовавшему подробной и всесторонней критической оценки“.²

Ф. И. Успенский в течение долгого времени вел подготовительную работу, собирая материалы для большого исследования, посвященного истории философско-религиозной и общественно-политической борьбы в византийском обществе. В 1891 г. появился целый ряд отдельных очерков Ф. И., печатавшихся в „Журнале Министерства народного просвещения“. В основе этих очерков лежит документ, который Ф. И. Успенский подверг мастерскому анализу. Этими отдельными очерками были „Константинопольский собор 842 г. и утверждение православия“³, вслед за которым появилась работа „Синодик в неделю православия“.⁴ В этой работе представлен глубокий анализ состава синодика, происхождения его частей, исследованы синодик греческой редакции, русский переводный синодик и оригинальный русский синодик. Далее появилась статья „Богословское и философское движение в Византии XI и XII вв.“,⁵ а вслед за ней „Философское и богословское движение в XIV в.“⁶ Объединенные, все эти очерки вышли в 1892 г. отдельным изданием.⁷

Чрезвычайно интересен метод исследования, примененный Ф. И. Успенским в этой работе. За основу исследования здесь взяты синодики, оглашавшиеся в неделю православия и, по мере надобности, пополнявшиеся новыми именами предававшихся анафеме противников православия. Ф. И. Успенский сделал здесь правильный вывод: что в рассматриваемую эпоху всякое общественно-политическое движение могло облекаться только в форму религиозных споров. Этот сухой материал, в результате мастерского анализа, вышел из-под пера Ф. И. Успенского в виде яркой картины не только богословской, но и общественно-политической и философской борьбы в Визан-

¹ Ф. И. Успенский. Византийский писатель Никиты Акоманат из Хон, СПб. 1894, стр. 53.

² ЖМНП, июль 1879, стр. 145.

³ ЖМНП, январь 1891, стр. 73—158.

⁴ ЖМНП, апрель 1891, стр. 267—323.

⁵ ЖМНП, сентябрь 1891, стр. 102—159; октябрь 1891, стр. 283—427.

⁶ ЖМНП, январь 1892, стр. 1—64; февраль 1892, стр. 348—427.

⁷ Ф. И. Успенский. Очерк по истории византийской образованности, СПб., 1892.

тии. Ф. И. показал, что материал синодиков „распространяется на широкую область философского мышления, общественной морали, политических идеалов“, то-есть захватывает вопросы, которыми занималось все общество, о которых велись беседы на площадях и в частных собраниях“.¹ Как отмечал Ф. И. Успенский, период пополнения синодика новыми статьями совпадает с периодами особенного напряжения умов в Византии. В этом исследовании Ф. И. смог подтвердить один из своих основных выводов о том, что „византийская история имела свои стадии развития, представляющие параллелизм с западноевропейским развитием“, что в византийском обществе наблюдалось поступательное движение в развитии общественно-политической и философской мысли, что выводы об эволюции византийского общества можно „поставить в связь и по ним проверить параллельное развитие западноевропейских народов“.² Ф. И. отстаивает в своем труде взгляд, что круг идей, в котором вращалось европейское мышление в период от XI до XIII в., — тот же самый, какой мы находили в Византии, что нельзя сомневаться в общности философского направления на Западе и на Востоке.³ Как и на Западе наряду с крайними формами номинализма и реализма, в Византии существовали и к началу XIII в. взяли перевес компромиссные формы философии, пытавшиеся объединить философию Платона и Аристотеля. Эта линия развития наиболее ярко выражена в творчестве Иоанна Итала, а также в попытке соединения аристотелевской логики и неоплатонизма с церковным учением,⁴ — попытке, которую предпринимало официальное церковное учение в борьбе с Иоанном Италом. По словам Ф. И., на Иоанна Итала нужно смотреть не только как на богослова, но как на представителя и выразителя философской мысли в конце XI в. Борьбу номинализма и реализма в конце XII в., по мнению Ф. И., представляют Сотирих и его приверженцы, с одной стороны, Николай Мефонский и его сторонники, защитники официального церковного учения — с другой.⁵ Ф. И. анализирует учение Сомириха, привлекая к исследованию „Thesaurus orthodoxiae“ Никиты Акомината, в котором содержится изложение истории соборов, занимавшихся определением отношения официальной церкви к учению Сотириха. Ф. И. рассматривает также диалог Сотириха, который сохранился в переданных Никитою

¹ Ф. И. Успенский. Очерк по истории византийской образованности, СПб., 1892, стр. 4.

² Там же стр. 5—6.

³ Там же, стр. 183.

⁴ Там же, стр. 174.

⁵ Там же, стр. 222.

Акоминатом акта собора 1156 г. Решением следующего собора 13 мая 1157 г. Сотирих был отлучен от церкви.¹

В своем исследовании Ф. И. Успенский показывает, что, как и на Западе, где в Средние века происходил знаменитый спор схоластиков о реальности общих родов (*universalia*), так и в Византии руководящие церковные деятели направляли дискуссию по этому вопросу не по линии борьбы философских направлений, а по линии спора о значении главных догматов веры — троичности, воплощения, пресуществления и т. д. Как и на Западе, византийские „реалисты“ утверждали, что только общее, единое существует в действительности, частное же, индивидуальное является лишь кажущимся, результатом обмана чувственного восприятия. Наоборот, теория „номиналистов“ сводилась к утверждениям, что в действительности существуют лишь отдельные предметы. Они образуют реальное множество вещей, а общее и единое — лишь кажущиеся понятия, существующие только в терминах языка. Анализируя споры ученых византийских богословов, Ф. И. Успенский приходит к правильному выводу о том, что за богословскими формулами theologов времени Мануила I Комнина (1143—1180) скрывалась борьба философских систем, что Сотирих и его сторонники являются приверженцами теории номинализма, в то время как выразитель официальной догмы Николай Мефонский со своей школой — последователями школы реализма.² Ф. И. Успенский подчеркивает остроту борьбы в философской мысли на этом этапе. Как сообщает он в своем исследовании, несмотря на то, что обычно, даже во времена наиболее ожесточенных схваток внутри церкви, как это было, например, в эпоху иконоборчества, еретикам, проявившим раскаяние, предоставлялось соборными решениями право вернуться в лоно официальной церкви, если они заявляли об отказе от своих заблуждений, Сотирих решением собора был окончательно лишен сана священника.³ Ф. И. показывает, что в высказываниях Сотириха и его последователей официальное богословие усматривало проявление недопустимого, с его точки зрения, рационализма, приписывавшего разуму человека силу найти обоснование таинствам веры. Сравнивая процессы в развитии Запада и Востока, Ф. И. отмечает, что, как и на Западе, к концу XII в. в Византии начинается выступление церкви против богословского рационализма, усиливающегося в начале XIII в. Но ростки этого рационализма все сильнее пробиваются в борьбе с ортодо-

¹ Ф. И. Успенский, Очерк по истории византийской образованности, СПб., 18922 стр. 220.

² Там же, стр. 222.

³ Там же, стр. 220.

ксией, философская борьба все больше выделяется из чисто богословских дискуссий, выходит на арену самостоятельной идеологической борьбы, становится все более видным фактором в истории развития общественно-политических учений, развития византийской общественной мысли. Официальное богословие уже не имело больше длительной передышки. Уже на соборе 1166 г., снова в острой форме, были поставлены вопросы философской борьбы,¹ являющейся прямым продолжением споров, направленных против Сотириха. Сейчас стрелы официальной церкви были направлены против Георгия Никейского, который вместе со своими сторонниками был осужден и предан анафеме. Интересно, что на этот раз борьба не ограничилась столичным собором, а была перенесена в провинцию. Покидая собор, все митрополиты запаслись копиями соборных определений и громили сторонников оппозиции. Ф. И. Успенский в своем исследовании коснулся и движения богомилов.² Хотя он и не мог подняться до оценки этого движения как борьбы угнетенных классов против растущего гнета феодальной эксплуатации, тем не менее он наметил правильные линии в характеристике этого движения как движения, имеющего социально-революционное направление, которое скрывалось за оболочкой религиозно-догматических споров.

После ожесточенной идеологической борьбы в Византии XII и начала XIII вв. в истории общественно-политической мысли наступает некоторый перерыв до тридцатых годов XIV в.³ Это не значит, конечно, что развитие общественной мысли совершенно остановилось в этот период. Несомненно, оба враждующих направления на крайних полюсах византийского общества собирались с силами, чтобы в определенный момент снова выступить друг против друга на фронте идеологической борьбы. К началу XIV в. усиленно развивается мистическое направление в философско-богословской мысли в Византии. Мистическая философия активно выступает против права разума на обоснование и объяснение положений веры, против познаваемости истины, выдвигая, в противовес дедукциям схоластической „диалектики“, непосредственное созерцание как единственно возможное и дозволенное орудие познания.

В религиозно-философской борьбе первой половины XIV в. центральное место занимает борьба сторонников Варлаама с Григорием Паламой по поводу отношения к движению исихастов. Борьба варлаамитов и паламитов, будучи одним из наиболее выдающихся явлений в истории общественной мысли в Византии XIV в., привле-

¹ Ф. И. Успенский. Очерк по истории византийской образованности, СПб., 1892, стр. 236—243.

² Там же, стр. 210 и сл.

³ Там же, стр. 246.

кала внимание многих византинистов, не говоря уже о большой церковно-исторической литературе, в которой эта борьба получила специфическое освещение, затрагивая почти исключительно каноническую сторону дискуссии, волновавшей умы в Византии в первой половине XIV в. Ф. И. Успенский первым отошел от установившегося взгляда и подошел к исследованию корней идеологической борьбы варлаамитов и паламитов, как к борьбе на арене философско-политической мысли, посвятив ей значительное место в своей работе.¹ Заслугою Ф. И. Успенского следует считать то, что путем широкого научного анализа он прочно установил мнение о борьбе между Паламой и Варлаамом, как борьбе философской, столкновением аристотелизма, которого, по мнению Ф. И. Успенского, держалась Восточная церковь, с платонизмом. Если и нельзя целиком присоединиться к параллелям, проводимым Ф. И. Успенским, то надо признать, что его работой прочно внесено в науку положение, что ожесточенная литературная борьба между Варлаамом и Паламой не может быть понята только с точки зрения различий в богословских направлениях.² Борьба между Варлаамом и Паламой глубоко всколыхнула все византийское общество, и, изучая это движение, Ф. И. значительно расширил рамки своего исследования, предпослав анализу статей синодика, осуждающих Варлаама, „историко-литературный очерк, посвященный общей характеристике Варлаама как философа и политического деятеля“.³

Выступления Варлаама и его последователей против мистического учения исихастов означали переход в наступление передовых слоев византийского общества, стоявших за свободу критики, даже если она была направлена против установленных религией традиционных взглядов. Стоя на почве передовых идей Запада, Варлаам придерживался той точки зрения, что глубокое изучение логики ведет к познанию истины. Как отмечал Ф. И. Успенский, Варлаам выше всего ценил успехи знания и только в научном исследовании видел залог познания.⁴ В своем исследовании Ф. И. Успенский установил преемственность между идеологическими учениями Западной Европы и византийского Востока. Он показал, что Западная Европа знакомилась с философами классической Греции через посредство византийских философских сочинений. Ф. И. присоединился

¹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности, Гл. IV. Философское и богословское движение в XIV в. (Варлаам, Палама и приверженцы их), СПб., 1892, стр. 246—364.

² Там же, стр. 249 и сл.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 274.

к точке зрения тех историков философии, которые отмечали значительное влияние, оказанное Варлаамом на представителей итальянского возрождения.

К анализу характера борьбы, разгоревшейся между варлаамитами и паламитами, Ф. И. привлекает огромную литературу, созданную представителями того и другого лагеря. Нельзя сказать, что философские взгляды Варлаама и его ученика Акиндина, по сочинениям которых мы, главным образом, можем судить о воззрениях варлаамитов, были бы ярко выражены. Однако основное положение, выдвинутое Ф. И., не подлежит сомнению, а именно, что варлаамиты смыкались с рационализмом, в противовес церковной схоластике, утверждавшим, что человеческому разуму свойственно постигать истинную природу вещей, что представления, которые добываются работой разума, правильно отражают соотношение и природу реальных вещей.¹ Ф. И. тщательно изучил также и литературное наследство вождя исихастов — Григория Паламы. Значение его творчества, как отмечал Ф. И., состоит в том, что он придал мистическому учению исихастов теоретические формы, облек их в ярко очерченную, стройную систему взглядов византийской мистической реакционной схоластики. Палама отстаивал в своих произведениях положение, что нельзя преступать пределов, установленных в богословии святыми отцами. Шаг за шагом прослеживает Ф. И. Успенский ход борьбы между варлаамитами и паламитами, показывая, что руководители паламитов на первых порах стремились к примирению, понимая, что перенесение борьбы на арену соборов, решения которых становились достоянием всего византийского общества, не в интересах официальной церкви. В то время как Варлаам для доказательства своих положений приводил целый ряд убедительных силлогизмов и строил все свои выступления на философской основе, на требованиях разума, „Палама и афонские монахи, не признавая за логикой и вообще за внешней мудростью (т. е. философией) могущественного орудия к познанию причины всего сущего, ссылались на авторитет церковного предания и святоотеческих писаний, как на единственно надежный путь к познанию сущего“.² Ф. И. исследует также и роль в этом споре Никифора Григоры, который занимал срединную, примирительную позицию. Для Григоры, как хорошо понимал Ф. И., борьба вокруг исихастов являлась важным государственным делом, так как он учитывал, что за теологической дискуссией стояла политическая борьба. Так же расценивал происходившую борьбу и Иоани

¹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности, Гл. IV. Философское и богословское движение в XIV в., стр. 278—279.

² Там же, стр. 279.

Кантакузин, считавший, что в его стремлении к власти монахи, исихасты, пользовавшиеся большим влиянием у господствующих классов, могут сыграть для него большую роль. Этим и объясняет Ф. И. позицию Кантакузина против Варлаама, занятую на соборе 1341 г.

Изучая борьбу вокруг исихастов, Ф. И. пришел еще к очень важному выводу: что Варлаам являлся выразителем политических групп и направлений в Византии, которые можно назвать „западническими“ и которые стремились к сближению с престолом римского папы, в то время как противники Варлаама были убежденными „националистами“. Изучая главы синодика, относящиеся к борьбе варлаамитов и паламитов, Ф. И. указывал, что „жизненным нервом всей борьбы, сосредоточенной около имени Варлаама, было западничество в самом широком смысле слова — в политике, вероучении — и что победа Григория Паламы должна быть признана победою национальной партии над латинствующей и западнической“.¹

Подводя итоги этой части своего исследования, Ф. И. сводит борьбу между Паламой и Варлаамом к истории философских школ в Византии. Основным ядром идеологической борьбы, скрывавшейся за христологическими спорами, была, по мнению Ф. И. Успенского, борьба сторонников Аристотеля против последователей Платона. Как говорят Ф. И., в синодике „последовательно проходит одна и та же черта: борьба аристотелизма и платонизма. Церковь усвоила себе аристотелевское направление и с конца XI до конца XIV в. поражала анафемой тех, кто осмеливался стоять за Платона“.² Наконец, в своем исследовании Ф. И. Успенский пришел к очень интересным выводам о влиянии византийской идеологической борьбы на южных и северо-восточных славян; так, в ереси стригольников он видит „богомильскую“ секту, перенесенную в Россию при посредстве южных славян“.³

Французский византист Ш. Диль в своем обзоре творчества Ф. И. Успенского назвал „Очерки по истории византийской образованности“ одной из наиболее интересных и значительных книг, написанных Ф. И. Успенским.⁴ Автор истории византийской литературы Карл Крумбахер называет книгу Ф. И. очень важной для изучения философского и богословского движения в Византии в XI—XII и XIV вв.⁵ Труд Ф. И. встретил живые отклики в русской

¹ Ф. И. Успенский. *Очерки по истории образованности*, Гл. IV. *Философское и богословское движение*, стр. 7.

² Там же, стр. 364.

³ Там же, стр. 388.

⁴ *L'art byzantin chez les slaves. Recueil dédié à la mémoire de Th. Uspensky*, t. II, Paris, 1930, p. VIII.

⁵ K. K r u m b a c h e r. *Geschichte der byz. Literatur*, München, 1897, S. 46.

критике. Особенно разошелся с Ф. И. во взглядах на борьбу Варлаама и Паламы П. В. Безобразов, который видит в ней столкновение не философских, а церковных партий — белого духовенства и монашества, считая незначительными различия в философском направлении.¹ Можно допустить, что в своем стремлении представить ход постепенного развития философской мысли Ф. И. Успенский сделал в своих выводах некоторые преувеличения. Однако его основные выводы от этого не пострадали. Его исследование, основанное на чрезвычайно широком круге первоисточников, впервые в историографии византиноведения создало яркую картину поступательного движения в развитии общественно-политической идеологии в Византии. Если до него привыкли видеть умственное развитие в Византии лишь в скучных, бесконечных, топтавшихся на одном месте богословских спорах то со страниц его исследования встала живая действительность византийского общества, полная ожесточенной борьбы вокруг самых крупных явлений общественно-политической идеологии. Но этого мало, Ф. И. Успенский дал ясное указание последующим исследователям о том, что за борьбой богословских групп стояли политические группировки. Поэтому вскрыть классовое содержание идеологической борьбы, потрясавшей византийское общество и достигшей особенной остроты в первой половине XIV в., является задачей, разрешить которую должно советское марксистское византиноведение. Основные линии решения этой задачи были правильно намечены Ф. И. Успенским.

Действительно, в борьбе между варлаамитами и паламитами последних поддерживали феодальная знать — светская и духовная, имущие классы городского населения. Они находили наиболее послушных проводников своих реакционных взглядов в лице византийского монашества, привыкшего на протяжении веков служить орудием реакционных господствующих классов. Аналогичная расстановка сил была и на других этапах идеологической борьбы, затронутых в исследовании Ф. И. Успенским. Он дал правильное, в основном, направление при изучении истории общественно-политической и философско-религиозной идеологии в Византии, указал на дальнейшие пути исследования в этой области, и в этом состоит его большая заслуга не только перед русским, но и перед мировым византиноведением.

¹ П. В. Безобразов. Рецензия на работы Ф. И. Успенского: 1) Очерки по истории византийской образованности, СПб., 1892; 2) Синодик в неделю православия, Одесса, 1893. Византийский Временник, III (1896), стр. 125—150.

ГЛАВА IV

Ф. И. УСПЕНСКИЙ И РУССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

20 лет жизни Ф. И. Успенского неразрывно связаны с его работой и руководством в основанном им Русском археологическом институте в Константинополе, сыгравшем такую видную роль в развитии мирового византиноведения. Западноевропейская наука уже задолго до открытия нашего Института имела подобные научные учреждения на Ближнем Востоке. Так, с 1846 г. в Афинах существовала французская *École française d'Athènes*, задачами которой было исследование греческого языка, истории и древностей. Среди работ этой школы особенно ценные результаты были получены в результате раскопок на Делосе, в Дельфах, в некрополе малоазийского города Мирины, в Мантинее. Германия в 1875 г. открыла в Афинах отделение своего археологического института, в восьмидесятых годах были основаны американская и английская археологические школы в Афинах. Эти учреждения широко субсидировались как своими правительствами, так и частными лицами; проводили экспедиции и печатали их результаты в специальных органах, из которых большую известность в науке получили французский „*Bulletin de correspondance hellénique*“ и английский „*Journal of hellenic studies*“. Поэтому, когда возникли проекты основания аналогичного русского учреждения, взгляды сначала были направлены на Афины. Однако царское правительство при организации подобного Института имело в виду не столько научные, сколько политические цели, стремясь создать Институт, который можно было бы превратить в орудие своей внешней политики на Ближнем Востоке. О подобной цели почти откровенно говорил в своей речи при открытии Института его „почетный председатель“ русский посол в Константинополе А. И. Нелидов. Но Ф. И. Успенский, который с самого начала был назначен на пост директора Института, с первых шагов занял совершенно противоположную позицию.

Заканчивая свою речь при открытии Института 26 февраля 1895 г., Ф. И. говорил: „Открывая ныне Археологический институт в Константинополе, мы вместе с тем освобождаем византиноведение от служебного его положения, видя в нем самом цель Института. Русская наука начинает этим исполнять свои обязательства по отношению к Византии и освобождается от упрека в пренебрежении прямых своих задач“.

С первых шагов новому Институту пришлось преодолеть на своем пути много трудностей. Прежде всего нужно было сломить сопротивление турецкого правительства, крайне неохотно допускавшего иностранных ученых к роскошам на территории Турецкой империи и к работе в рукописных фондах турецких книгохранилищ. Общего разрешения на раскопки турецкое правительство не давало. В каждом отдельном случае дело требовало более или менее длительных хлопот, вызывая иногда необходимость во вмешательстве русского посольства. В результате настойчивости Ф. И. Успенского Институту удавалось, в конце концов, добиваться необходимого разрешения. Большим препятствием в работе Института было отсутствие правильно организованной библиотеки. С этой стороны организация подобного Института в Афинах имела бы преимущество, заключающееся в наличии там образцовых библиотек. Поэтому с первых же шагов Ф. И. Успенский обратил особое внимание на создание при Институте собственной библиотеки. По отчетам Института, из года в год печатавшимся в его „Известиях“, можно проследить рост этой библиотеки, ежегодно пополнявшейся книгами по особому подбору, необходимыми для работы византистов. Уже через 10 лет библиотека была самой лучшей в Константинополе, особенно для занятий по византиноведению. В этом отношении она была единственной в своем роде. Кроме исключительно полного собрания источников и литературы, библиотека содержала большое количество рукописей и фотоснимков с них, позволявших широко поставить изучение памятников византийской палеографии.¹ К моменту прекращения деятельности Института его библиотека, которой могло бы гордиться любое научное учреждение по византиноведению, имела свыше 25 тысяч томов.

Уже на втором году работы Института ему удалось сделать одну из самых важных своих находок. По Константинополю распространились слухи об открытии редкого Евангелия. Институту удалось получить сведения, что этот редчайший памятник находится в деревне Сармисаглы около Кесарии. Ф. И. удалось добиться от правительства специального ассигнования 10 тысяч рублей на приобретение этого памятника, хранящегося теперь в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Текст этого Евангелия написан серебряными буквами на покрытом пурпурной краской пергамене, с золотыми заставками и инициалами. 2 листа этого Евангелия находились в Ватиканской

¹ Th. Uspensky. L' Institut Archéologique Russe à Constantinople, Revue contemporaine, № 10, 20, Octobre 1910, St. Pétersbourg, p. 32.

библиотеке, 4 листа в Вене, и несколько листов в хранилище на острове Патмосе. Найденный Институтом памятник содержит более половины всего Евангелия и датируется VI или началом VII в. Об этой находке сам Ф. И. поместил тщательное исследование под названием „Вновь найденный пурпуровый кодекс Евангелия“.¹

Само собою разумеется, не на таких случайных находках соби-рался Институт строить свою работу. С первых дней Ф. И. Успенский разработал стройную программу работы Института, в основе которой лежали систематически проводимые археологические экспедиции. Уже в 1895 г. были проведены три большие экскурсии — по Анатолии, на Афон и в Афины. В первой экскурсии проводилось археологическое изучение областей, входивших в состав Трапезунтской империи. Особый интерес эти изыскания представляли потому, что Трапезунтская империя имела тесные отношения с Кавказом. Кроме того, большой интерес представляли изыскания в мало исследованной этнографии Анатолии. В экскурсии на Афон кроме самого Ф. И. Успенского приняли участие О. В. Вульф, и Б. А. Панченко. Участники экскурсии изучали рукописные фонды Афона и сделали весьма важные находки. В частности, был списан обширный материал для истории Трапезунта, найденный в библиотеке монастыря Дионисия. Из этой же библиотеки списан также важный материал, касающийся дела Иоанна Итала. Эти материалы были тщательно изучены Ф. И. Успенским, в результате чего появилось его исследование „Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси“,² составившее один из подготовительных этюдов к большому труду по истории византийской культуры. Изучены были три церкви в Ватопеде и других монастырях, представляющие три главных типа афонской церковной архитектуры различных времен. Участники экскурсии в Афины знакомились с результатами раскопок в Дельфах.

В 1896 г. Институт организовал две археологические экспедиции в Малую Азию. Первая была проведена в область древней Вифинии, посещены были Никомидия, Никея, Брусса. Вторая экспедиция была направлена в местности к северо-западу от Измида до берегов Черного моря и Икония, древней столицы турок-сельджуков. В городе Исник (древняя Никея) был найден ценный эпиграфический материал византийской эпохи. В этом же году были также проведены археологические экскурсии по Болгарии и в

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, I (1896), стр. 138—172.

² Изв. Русского археологического института в Константинополе, II (1897), стр. 1—66.

Палестине. Результаты изучения древностей Никомидии были изложены в большой статье П. Д. Погодина и О. Ф. Вульфа „Никомидия. Историко-археологический очерк“.¹

Археологические экскурсии проводились Институтом из года в год, давая важные для науки результаты. В 1897 г. были проведены экскурсии по Малой Азии и на острова Хиос и Патмос, в 1898 г. в Никею и Македонию. В Македонии была обнаружена греческая надпись о границах Византии и Болгарии при болгарском царе Симеоне и замечательная с точки зрения славянской филологии и палеографии. Эти значительные материалы были изучены Ф. И. Успенским и изложены им в исследованиях „Две исторические надписи: I. Надпись на башне Артавазда. II. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне“² и „Надпись царя Самуила“.³ Результатам раскопок в Македонии была посвящена значительная по своим выводам и использованному материалу статья П. Н. Милюкова „Христианские древности западной Македонии“,⁴ выполненная под руководством и по поручению Ф. И. Успенского, возглавлявшего экспедицию. Главной целью этой экспедиции Ф. И. поставил обследование древностей больших озер западной Македонии, Преспы и Охриды. После осмотра древностей нижней Преспы предпринята была поездка в долину реки Корчи. Оказалось, что северо-восточный угол Преспы представляет своеобразный интерес для церковной археологии. В то время как в других местах Преспы и Охриды постоянно попадались исключительно греческие надписи, здесь обнаружился целый оазис церквей со славянскими надписями, центром которых нужно считать Слимницкий монастырь. Наиболее обильный материал экспедиция собрала по архитектурным памятникам обследованного края. Не считая церквей Салоник, в ряду этих памятников первыми стоят исторически связанные между собой соборные церкви эпохи царя Самуила на острове Аил (Преспа) и в городе Охриде, из которых первая должна быть отнесена к концу X, а вторая — к началу XI в.⁵ До тех пор неизвестные славянские и греческие надписи XIV—XV вв. сообщают ряд новых интересных данных для истории мелких династий, между которыми делилась Македония перед завоеванием

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, II (1897), стр. 77—184.

² Изв. Русского археологического института, III (1898), стр. 180—194.

³ Там же, IV (1899), вып. I, стр. 1—4.

⁴ Там же, стр. 21—151

⁵ Там же, стр. 139.

ее турками. В этом же томе „Известий“ была помещена интересная статья М. И. Ростовцева, посвященная македонским надписям.¹

Мы не будем перечислять здесь все проведенные Институтом археологические экспедиции. В 1899 г. экспедиции проводились в Малой Азии и северо-восточной Болгарии, в 1902—1903 гг. на о. Крите, в 1904 г. — в Самсуне. В 1904 г., с 24 марта по 13 апреля, в Афинах состоялся международный археологический съезд. Представителями Института на съезде были Ф. И. Успенский и Р. Х. Лепер. Ф. И. был избран председателем секции византийской археологии и на одном из пленарных заседаний съезда сделал на греческом языке сообщение „Серальская библиотека и хранящаяся в ней иллюстрированная рукопись Октатевха (Восьмикнижия)“. Позднее этому памятнику было посвящено специальное исследование Ф. И. Успенского „Константинопольский Серальный кодекс Восьмикнижия“.² Этот памятник — прекрасный экземпляр Восьмикнижия, снабженный большим количеством (свыше 300) миниатюр. Ценность этой рукописи видна из того, что во всех европейских книгохранилищах есть только четыре таких экземпляра, да и то не полных. Интерес к этому увеличивается еще и тем, что он происходит из византийской императорской библиотеки и введение к нему принадлежит Исааку, сыну императора Алексея Комнина.

Интересно отметить поездку, совершенную Ф. И. в 1902 г. в Северную Италию, которая имела целью ознакомление с христианскими памятниками Равенны. Ф. И. выяснил значение загадочных мозаик в церкви евангелиста Иоанна³. На основании исследования этих мозаик, сделанного Ф. И., оказалось, что они представляют собой единственный в своем роде памятник — иллюстрацию событий IV крестового похода. Ф. И. изучил также любопытный памятник в национальном музее Равенны,⁴ представляющий собой редкую артефакцию византийского происхождения с рельефными изображениями и надписями.

Следующие годы в работе Института характеризуются тем, что центральное место в его исследованиях занимает изучение

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, II (1897), стр. 166—188.

² Изв. Русского археологического института в Константинополе, XII (1907), стр. 1—255, с альбомом из 47 таблиц, с 6 таблицами в тексте.

³ См. Ф. И. Успенский. Фрагменты мозаичной росписи в церкви евангелиста Иоанна в Равенне, Изв. Русского археологического института в Константинополе, VII (1902), стр. 63—78.

⁴ Ф. И. Успенский. Артская панагия, там же, вып. 3, стр. 249—263.

болгарских древностей. Эти исследования, во главе которых стоял непосредственно Ф. И. Успенский, являются одним из важнейших достижений Института, позволившим совершенно по-новому представить историю Первого болгарского царства. Как вспоминает болгарский ученый Карл Шкорпил, Ф. И. еще в 1899 г. прибыл в Варну вместе с проф. М. Попруженко. Вместе с проф. В. Н. Златарским и Шкорпилом Ф. И. предпринял научную экспедицию в наиболее важные исторические центры северной Болгарии: Прованию, Абобу, Мадару, Преслав, Трново и Червень. Он особенно заинтересовался мнением Шкорпила, который считал, что, на основании изучения надписи Омортага, сохранившейся в церкви 40 мучеников в Трново, место первой болгарской столицы нужно искать в развалинах Абоба, а не в Преславе. Ф. И. Успенский считал эту точку зрения вероятной и решил предпринять поиски в этих развалинах.¹ Поиски продолжались осенью 1899 г. и в 1900 г. В результате они привели к выводу, что первая болгарская столица находилась возле деревни Абоба. По одной из надписей, найденных при раскопках, эта столица называлась Плиска и сохраняла свою роль даже тогда, когда была основана вторая болгарская столица — Преслав. Раскопки под руководством Ф. И. продолжались еще и в 1905 г. Десятый том „Известий“ Института, изданный в 1905 г., целиком посвящен этим раскопкам и носит название „Материалы для болгарских древностей Абоба-Плиска“ и имеет специальное приложение — альбом в 117 таблиц. В этом томе — статьи Ф. И. Успенского, К. В. Шкорпила, Р. Х. Лепера, Д. В. Айналова, Б. А. Панченко, Б. Еллиха. Основная руководящая глава в этом томе — „Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей. Раскопки. Наименование древнего населения“ — принадлежит перу Ф. И. Успенского.

В своем исследовании Ф. И. отмечал, что наиболее важным фактом следует считать обнаружение крупных археологических находок, касающихся староболгарской истории на территории между Варной, Шумлой и Новым Базаром, причем они находятся в местах первоначальной находки или же они вывезены из этой местности. Ф. И. обратил внимание на тот факт, что местность вокруг деревни Мадара представляет значительный археологический интерес и по результатам раскопок подошел к выводу, что поблизости было большое поселение, может быть, и политический центр древнего Болгарского царства. Ф. И. отметил, что большин-

¹ Charles Skorpil. Recherches de Théodore Uspensky en Bulgarie. L'art byzantin chez les Slaves. Deuxième recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspensky. Première partie, Paris, 1932, p. VII.

ство национальных языческих болгарских надписей открыто здесь же при раскопках 1899 г. Известные староболгарские надписи на греческом языке, колонны с именем Омортага, Крума, Маломира и других князей, колонны с названиями городов, — все это открыто в той же местности — Шумла, Новый Базар, Провадия, Эски-Джумаз; турецкие деревни Суютлы, Абоба, Могила, Сулейманкей, Войвадакей и др. и Мадара — места этих находок. Во всяком случае, эти данные не могли не привести к убеждению, что здесь следует искать следов древней болгарской столицы, которая в конце X или в начале XI в. уступила место вновь построенной Великой Преславе. Эти соображения привели Ф. И. к мысли, что нынешняя деревня Абоба, с земляными сооружениями близ нее (валом и рвом) и остатками каменных стен, может дать нужные сведения по этим вопросам, т. е. что близ Абобы было древнее болгарское становище.

Нынешняя Абоба находится в южной части земляных укреплений, составляющих фигуру не совсем правильного четырехугольника. Линия вала с севера на юг имеет 7 км, в северной ее части расстояние от востока к западу составило 4 км, а в южной — не больше 3 км. По всей длине вала идет глубокий ров. Внутри внешних укреплений находятся остатки городища или большого поселения. Центр всей площади — отдельное укрепление, стены которого были сложены из тесаного камня (сохранились лишь основания кладки стен). При дальнейших раскопках вокруг этого здания обнаружилось, что именно оно составляет центральное место, кремль, окруженное со всех сторон каменной стеной с башнями и четырьмя воротами. В расстоянии получаса ходьбы от раскопок были обнаружены остатки церкви, может быть, первой христианской церкви в Болгарии. Подвигаясь к северу от этой церкви, при раскопках обнаружили несколько отдельных помещений и построек. Некоторые из этих построек, которые можно считать помещениями для дружины и княжеских слуг, были сделаны из дерева. Таким образом, как отметил Ф. И. Успенский в результате раскопок 1899—1900 гг. более или менее ясно обозначились: 1) ханско-княжеский болгарский дворец и поблизости от него церковь, а также несколько построек для княжеской свиты, дружины и слуг; 2) большая церковь вне каменного укрепления, но внутри земляного вала, в получасовом расстоянии от дворца, и ряд развалин построек; 3) каменные стены вокруг дворца с башнями и воротами. Найдено было много надписей, в большинстве случаев фрагменты колонн, рисунки на камнях предметы искусства и украшения — перстни, браслеты, части

бронзовых сосудов, золотые и серебряные монеты и свинцовые печати. Последние особенно помогают установить хронологию исследованных развалин. Общий вывод, к которому пришел Ф. И., заключается в том, что все указанные материалы имеют исключительную ценность, так как изучение их позволяет поставить на твердую почву вопрос о болгарских древностях и о древнеславянской культуре.

В этом же X томе „Известий“ Института Ф. И. подверг анализу найденные при раскопках староболгарские надписи, в том числе на колоннах, с именами городов, надписи в честь государственных деятелей и героев, надписи, представляющие собой фрагменты договоров, надписи исторического содержания и т. д. Ф. И. считал не подлежащим сомнению, что большинство надписей с именами городов происходит из древнего болгарского становища близ Абобы. Колонны с наименованиями городов раскрывают перед нами значение занятых Симеоном византийских крепостей, о чем так много говорится в переписке императора Романа Лекапина и патриарха Николая Мистика с болгарским царем Симеоном. Анализируя переписку Романа Лекапина и патриарха Николая Мистика с Симеоном, Ф. И. приходит к выводу, что памятники, найденные в Абобе т. е. колонна с именами городов, отнятых Симеоном у греков, относятся по времени своего происхождения к эпохе наибольшего влияния болгар во Фракии. Так как это влияние было кратковременным (921—924), то можно бы определить и ближе время происхождения колонн, назвав 923—924 гг. Между староболгарскими надписями на греческом языке, найденными первоначально в области Абобы и ее окрестностей, первостепенное значение имеют надписи на колоннах в честь государственных деятелей и героев. Все эти надписи, говорящие об Омортаге или Маломире, должно рассматривать как официальные акты, исходящие от государственной власти. Первостепенная важность этих памятников заключается в том, что в них мы имеем единственные следы староболгарского права и древних учреждений, которым был нанесен смертельный удар принятием христианства и последовавшим затем политическим переворотом.¹ Первыми словами в каждой надписи обозначается хан, при котором ставится колонна и от лица которого производится оценка заслуг героя. В этих памятниках, как показал Ф. И., мы впервые знакомимся с национальным титулом болгарского властителя ΚΑΝΑΣ ΥΒΗΓΗ. Все

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, X (1905), стр. 173—242.

это заставляет предполагать, что уже по переселении за Дунай болгары имели хорошо организованную власть и прочные учреждения. Вслед за титулом князя в рассматриваемых надписях находится имя лица, в честь которого поставлена колонна. Это — важный материал для болгарского именослова и для характеристики служилого сословия в дохристианское время, рисующей дружинные отношения служилых людей к болгарскому князю. Фрагменты надписей, относящихся к разряду договорных, позволяют затронуть вопрос о правовых международных отношениях между Болгарией и Византией, для которых надписи представляют ценный материал. Ф. И. сделал вывод, что если в X в. возводились новые сооружения в древнем ауле, то, значит, эта древняя столица не была покинута и по принятии христианства. А так как отнести к преемникам Симеона постройку больших сооружений в Преславе нет никаких оснований, то возникает предположение о том, что Преслава и аул близ Абобы существовали одновременно и что близ Абобы продолжала оставаться болгарская столица и после принятия болгарями христианства. Эти мысли Ф. И. подтверждаются анализом большого эпиграфического материала, собранного при раскопках.

Уже было закончено исследование материала, полученного раскопками в Абобе, когда находка надписи Омортага близ Преславы заставила Ф. И. еще раз подвергнуть проверке установленные выводы. X том „Известий“ уже заканчивался печатанием, однако Ф. И. успел включить туда в виде добавления свою статью „Вновь открывая надпись Омортага. Столицы (аулы, становища) древних болгар“.¹ Как установил в этой статье Ф. И., мысль об одновременности строительства новой столицы и тождественности культуры Абобы и Преславы подтверждается частью раскопками, произведенными осенью 1905 г. в Преславе, частью вновь найденною надписью Омортага. Летом 1905 г. возле станции Преслав-Крумово начаты были раскопки членом археологического общества в Шумле Г. Р. Поповым. При раскопках обнаружена была разбитая на две части, огромная колонна из известняка, длиною в 6,15 м. Верхняя часть колонны покрыта надписью в 25 строк. Надпись в русском переводе читается так: „Хан Ивиги Омортаг, в земле, где родился, по воле божьей архонт, держа свой лагерь в Плиске, основал аул в Тыче и двинул силу на греков и славян и искусно построил мост на Тыче, перенес и поставил в этом самом кастре [лагере] четыре колонны и на одной из колонн поставил два медных льва.

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, X (1905), стр. 544—554.

Бог да поможет волей божьей архонту согнуть царя под ногу свою до тех пор, пока течет Тыча, и да даст болгарам иметь много пленников; напоследок же, подчинив себе врагов, в радости и веселии да живет сто лет. Время же, когда было строение, по болгарскому счислению сигорелем, а по греческому индикта пятнадцатого". Таким образом, говорит Ф. И., надпись дает место стоянки Омортага — Плиску. Это подтверждает мысль, впервые высказанную Иречком в 1885 г., что в древностях долины Абоба нужно видеть остатки староболгарского Плискова. Найденная надпись позволяет нам названия Абоба и Плискова употреблять одно вместо другого. Анализируя сведения летописца Феофана и Анны Комниной, Ф. И. приходит к выводу, что надпись свидетельствует о перенесении столицы из лагеря в Плискове-Абобе в Тычу-Преслав. В строках, коими заканчивается надпись, устанавливается хронология фактов, рассказанных в надписи. Эта хронология определяет эпоху перенесения Омортагом столицы Болгарии из нынешней Абобы в нынешнюю Преславу. Хронология дает по византийскому счислению 15 индикт, который при Омортаге был только однажды, в 822 г. Таким образом, древняя столица Болгарии переносится в Преславу задолго до обращения Болгарии в христианство. Успехи в исследовании болгарских древностей внушили Ф. И. Успенскому мысль о необходимости расширения исследовательской работы в Болгарии. По его инициативе было основано Болгарское археологическое общество, превратившееся впоследствии в Археологический институт в Софии. В 1911 г. Ф. И. созвал совещание представителей России, Болгарии и Сербии для изучения вопроса об объединении исследовательской работы. Сербия была представлена профессорами Васичем и Стефановичем, Болгария — Касаровым и Щкорпиллом. На совещании было решено создать при Русском археологическом институте в Константинополе специальную секцию для изучения балканских стран; был выработан детальный план первых исследований, и даже были распределены работы среди участников. Таким образом, как исследовательская, так и большая организационная работа Ф. И. Успенского имеет большое значение для развития междубалканских исследований. Как указывал Мошин, Ф. И. „с предельной четкостью определил и формулировал весь ансамбль исторических проблем, относящихся к связям Византии и славян. Археологический институт в Константинополе, который по своему влиянию на развитие византиноведения ни в чем не уступал семинару Крумбахера, был первым центром систематических исследований о междубалканских отношениях. „Известия“ Института представляют неистощимую сокро-

вишницу наблюдений и открытий в области средневековой археологии Балкан и внутренней истории балканских народов".¹

Однако, как мы уже видели раньше, деятельность Института далеко не ограничивалась территорией Балканского полуострова. Значительная по своим результатам работа была проведена археологической экспедицией Института в Сирию в 1900 г. Во время этой поездки был найден знаменитый Пальмирский тариф. Экспедиция посетила много различных поселений, в том числе Пальмиру, где была исследована пещера-усыпальница, украшенная очень интересными фресками.

Большие заслуги имеет Институт по изучению истории византийского искусства. В этой области первое место занимает исследование фресок, сохранившихся в мечети Кахрие-Джами, которыми, по поручению и под руководством Ф. И. Успенского, много лет подряд занимался Ф. И. Шмит. Мечеть Кахрие-Джами в свое время представляла собою церковь при монастыре Хора. Это — единственная мечеть в Константинополе, где византийская мозаика осталась доступной для изучения, так как во всех других мечетях она была покрыта слоем штукатурки. Много редких сюжетов, изображенных в виде мозаики во внутреннем нартексе, высоко художественная работа этих мозаик сделали мечеть Кахрие-Джами первоклассным памятником византийского искусства и привлекли к ней пристальное внимание ученого мира. Глубокое изучение этик мозаик тем более трудно, что они принадлежат к эпохе Палеологов, искусство которой наименее изучено. Ф. И. Шмит, изучая мозаики Кахрие-Джами, пришел к выводу, что эти мозаики в их ансамбле являются выражением одной и той же идеи, представляют один и тот же стиль и технику и относятся ко времени Феодора Метохита, великого логофета императора Андроника II Палеолога (1282—1328), одного из выдающихся полигисторов последних веков Византийской империи. Начиная с Н. П. Кондакова, который впервые обратил внимание на высокое значение мозаик Кахрие-Джами, указав, что они относятся к периоду вторичного процветания византийского искусства в XI—XIII вв., мозаики Кахрие-Джами неоднократно привлекали к себе внимание историков византийского искусства и создали в научной литературе большую полемику по вопросу о характере так называемого „византийского возрождения“.

Революция в Турции значительно облегчила условия научной работы в Константинополе. Ф. И. Успенский с благодарностью вспоминает помощь, оказанную в работе Института бывшим вели-

¹ V. Mošín. Les études byzantines et les problèmes de l'histoire interbalkaniques. Revue internationale des études balkaniques, 1934, t. I, p. 315.

ким визирем Хильми-пашой, содействие которого позволило приступить к работам во внутренности разрушенной мечети Имрахор, во времена Византийской империи служившей базиликой знаменитого Студийского монастыря, оконченного постройкой в 463 г. Эти работы, порученные ученому секретарю Института Б. А. Панченко, явились началом глубокого археологического изучения топографии самого Константинополя. Там были найдены фрагменты саркофагов, пол, покрытый мозаикой, изображающей мифологические сюжеты и символические сцены (Орфей, Беллерофон и др.), и богатые образцы жанровой живописи, представляющие большой интерес.

В 1909 г. Ф. И. Успенский принимал участие во втором международном съезде классической археологии в Каире (10—15 апреля), где был избран председателем секции византийской археологии. 13 апреля он сделал на съезде сообщение о новооткрытых мозаиках в храме Димитрия в Солуни. Исследование об этих мозаиках было им помещено в „Известиях“ Института.¹ Базилика храма Димитрия представляет собой грандиозный памятник христианского искусства. Постройка этой базилики относится к V в.; после пожара в VII в. базилика была заново перестроена. Узнав, что турецкое правительство решило произвести ремонт в мечети, Ф. И. отправился на место производства работ и обнаружил, что в ходе ремонта были вскрыты очень ценные мозаики. Продолжая исследования, он обнаружил редчайшие мозаики VII—VIII вв. Были найдены также фрески, имеющие большую историческую ценность. Культ св. Димитрия достиг своего апогея в VI в. В базилике имеется около десяти изображений Димитрия в различных видах; на одном из этих изображений Димитрий одет в одежды римского сенатора. Мозаики изображают и самый культ Димитрия: целые семьи, пришедшие к нему для поклонения, молодые юноши и девушки, приносящие ему свои дары. Попутно с исследованием мозаик Ф. И., вернувшись к анализу деяний св. Димитрия, пересмотрел вопрос о славянских вторжениях в Византийскую империю. Рассматривая один отрывок, Ф. И. пришел к выводу, что мы имеем здесь дело не с обычным житийным материалом, а с чем-то новым, представляющим сообщение о реальных фактах, имевших место в начале VII в. Это сообщение подтверждает, что в начале VII в. в Фессалии живет уже оседлое славянское население, которое прочно осело в области и занялось сельским хозяйством.²

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, XIV (1909), стр. 1—61.

² Там же, стр. 49.

Мы проследили основные моменты в деятельности Русского археологического института в Константинополе, который с первых дней и до конца работал под руководством Ф. И. Успенского с неослабеваемой энергией направлявшего все его научные предприятия. Деятельность Института послужила тому, что русское византиноведение завоевало себе почетное место в мировой исторической науке. Институт был не только первоклассным научным учреждением, но также и школой, где формировались новые научные силы. Русские университеты и институты прикомандировывали к Институту в Константинополе своих наиболее талантливых воспитанников в качестве стипендиатов. Все они находили помощь и поддержку со стороны Ф. И. Успенского, который осуществлял повседневное руководство работой молодых специалистов. Вокруг Института создалась школа первоклассных исследователей-византинистов. Достаточно назвать имена Б. А. Панченко, Р. Х. Лепера, Ф. И. Шмита, П. А. Яковенко и других.

Говоря о работе Ф. И. Успенского в Русском археологическом институте в Константинополе, нельзя обойти молчанием его деятельность в области издания новых первоисточников, которая относится, главным образом, к этому периоду. Ф. И. был выдающимся искателем неизданных текстов и памятников и ввел в научный оборот большое количество новых первоисточников византийской истории. С 1879 г., когда он напечатал речи и письма Никиты Акомината, не было ни одного важного хранилища рукописей, где бы он не сделал ценного открытия. В библиотеке Халки он нашел и издал „Типик монастыря св. Маманта в Константинополе“,¹ представляющий собой чрезвычайно важный первоисточник для изучения института харистикария; в библиотеке Иерусалимского патриархата Taktikon — „Византийскую табель о рангах“,² список чинов и званий, дополняющий сообщения, имеющиеся в „Notitia“ Филофея и „De seremoniis“ Константина Порфирородного; в монастыре Дионисия на Афоне — ценные акты процесса против Иоанна Итала — „Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси“,³ в Охриде — рукопись хроники Скилицы и коллекцию соборных актов XI—XII вв. по поводу дарений церковных имуществ харистикариям — „О рукописях, находящихся в Охриде“,⁴ в Публичной библиотеке Ленин-

¹ Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете, II, отд. ст., Одесса, 1892.

² Изв. Русского археологического института в Константинополе, III (1898), стр. 98—137.

³ Там же, IV, II (1897), стр. 1—66.

⁴ Там же, IV (1899), вып. 2, стр. 141—149.

града уже упоминавшиеся нами Вазелонские акты. Не менее плодотворны были его поиски в библиотеках и собраниях Парижа, Вены, Мюнхена, Мадрида, во время которых им были открыты „Синодик в неделю православия“, неизданные тексты Михаила Пселла и Иоанна Итала, письма Григория Акиндина, целый комплекс документов по религиозному и философскому движению в Византии XII и XIV вв. Мы назвали лишь небольшую часть публикаций, предпринятых Ф. И. Успенским, но и сказанного достаточно, чтобы получить представление о размахе его работ в этой области, стоящих на высоком уровне лучших мировых публикаций первоисточников, всегда снабженных комментарием, представляющим глубокое исследование, и часто — переводом издаваемых текстов на русский язык.

Пора подвести итоги. Обзор деятельности Ф. И. Успенского, связанной с годами его руководства работами Русского археологического института в Константинополе, рисует его нам как выдающегося организатора и неутомимого пропагандиста византийских исследований. Он неизмеримо высоко поднял значение русского византиноведения, заставил иностранных ученых забыть „правило“ *rossica non leguntur*, понять, что без ознакомления с произведениями русских ученых нельзя обойтись ни одному исследователю, работающему в области византиноведения. Ф. И. Успенский получил высокую оценку от всех представителей мирового византиноведения. Эта общая оценка может быть выражена словами французского историка Милле, который призывал „почтить учителя, который пишет историю Византии, который изучил с такой проникновенностью и эрудицией то, что византийская цивилизация нам оставила наиболее привлекательного — доктрины и памятники искусства, — который организовал Русский археологический институт в Константинополе и руководил им в продолжение стольких лет с успехом, всем известным, — который распространил свои разыскания и вне рамок Византии и осветил, раскопками в Абобе-Плиске живым светом начало Первого болгарского царства“.

Деятельность Ф. И. Успенского в Русском археологическом институте в Константинополе навсегда останется одной из самых блестящих страниц не только в русской, но и в мировой исторической науке.

ГЛАВА V

Ф. И. УСПЕНСКИЙ И РУССКО-ВИЗАНТИЙСКАЯ КОМИССИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Большая Октябрьская социалистическая революция способствовала небывалому расцвету науки и культуры в нашей стране. В дни, когда страна еще горела в огне гражданской войны, напрягая все силы для борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранной интервенцией, молодая Советская власть принимала все меры для поддержания и развития работы научных учреждений.

Ф. И. Успенский с первых дней существования Советской власти принимает все меры к восстановлению и оживлению византологической деятельности, с непреклонной волей проводя, как он говорил, работу „воссобрания рассыпавшейся было храмины византологии“. Уже весной 1918 г. Ф. И. представил в Президиум Академии Наук докладную записку о необходимости восстановления византинovedческих занятий. Ф. И. писал, что византинovedению угрожает серьезная опасность утраты связи со всей своей прошлой историей развития, и настаивал на том, чтобы Академия Наук приняла экстренные меры к сохранению и утверждению в своей среде традиций византинovedения¹. Ф. И. писал, что для изучения основных черт византизма особое значение имеет македонский период истории Византии, на который падают обширные энциклопедические предприятия, связанные с литературной деятельностью Константина Порфирородного. Его труды, писал Ф. И., имеют первостепенное значение для изучения важнейших вопросов древнейшей истории нашей Родины, а также и истории славян, особенно юго-западных, для которой труды Константина Порфирородного, по богатству собранных им и еще недостаточно изученных материалов, являются неоценимым источником². Поэтому Ф. И. предлагал создать при Академии Наук комиссию по изучению трудов Константина Порфирородного. Такая комиссия была образована под председательством Ф. И. На первых порах в нее вошли, академики В. В. Бартольд, В. В. Латышев, Н. Я. Марр, А. В. Никитский, М. И. Ростовцев и А. А. Шахматов. Позднее комиссия была значительно расширена и постоянно пополнялась, привлекая к работе лучшие силы советских ученых.

¹ Ф. И. Успенский. Хроника византинovedения, Византийский Временник, XXIII (1917—1922), стр. 138.

² Там же, стр. 138—139.

Ф. И. Успенский разработал широкую программу деятельности вновь созданной комиссии. В задачи комиссии должны были, по составленному им плану, входить разработка исторического именослова упоминаемых у Константина Порфирородного политических византийских деятелей, словаря географических названий, имеющего большое значение для топонимических исследований. Для дальнейших исследований, основанных на материалах Константина Порфирородного, следовало заняться исчерпывающим критическим обзором всей русской и иностранной литературы о нем и его трудах. Наконец, учитывая то обстоятельство, что греческий словарь Дюканжа в значительной части устарел, Ф. И. поставил перед комиссией задачу пополнения этого словаря „подбором пропущенных и неизвестных в его время слов, извлеченных из писателей, найденных в последние столетия, и в особенности из надписей и папирусов“.

Комиссия в течение четырех лет работала по представленному Ф. И. плану. Для предварительных работ по переизданию словаря Дюканжа была создана под председательством Ф. И. специальная подкомиссия, в которую вошли С. Ф. Ольденбург, В. М. Истрин, Д. В. Айналов, В. Н. Бенешевич, В. Е. Вальденберг, А. А. Васильев, С. А. Жебелев и И. И. Соколов. Под руководством Ф. И. эта подкомиссия выполнила большую работу, собрав и обработав материал для большого количества слов. В этой работе Ф. И. принимал непосредственное участие, собрав и обработав словарный материал „Книги епарха“ Косьмы Магистра; И. Ю. Маркон собрал греческие глоссы в еврейской письменности; заимствования из коптского языка в греческом языке обработал П. В. Ернштедт. Опыт работы над собранием словарного материала был суммирован комиссией в составе В. Н. Бенешевича, С. А. Жебелева и А. И. Малеина. На основе этого опыта между членами комиссии и привлекаемыми учеными были распределены византийские тексты, из которых должны были быть сделаны выборки имен и терминов. К работе были привлечены, кроме уже названных лиц, А. П. Дьяконов, Н. И. Новосадский, Н. Н. Пальмов, А. А. Петров, Е. Ч. Скржинская, С. П. Шестаков и многие другие. Работа должна была охватить известное собрание актов Миклошича и Миллера, сочинения Прокопия Кесарийского, Никифора Вриенния, Иоанна Эфесского, Георгия Акрополита, Георгия Пахимера, Евстафия Солунского, Никиты Акомината, греческие термины в средневековых еврейских текстах, греческие документы в Южной Италии и другие материалы.

В дальнейшем, в работе комиссии были, по предложению

Ф. И. Успенского, произведены изменения. Когда стало известно, что Международный союз Академий взялся за переработку латинского словаря Дюканжа, Ф. И. 14 февраля 1923 г. выступил в заседании Отделения истории и философии АН СССР с заявлением, в котором указывал, что „без участия русских сотрудников работа по переизданию словаря Дюканжа не может быть произведена в той полноте и соответствии с современным научным движением в византистике, какая бы согласовалась с достоинством Союза Академий“.¹ Было установлено, что задача переиздания словаря Дюканжа может быть под силу лишь общим усилиям русских и иностранных ученых. Для сотрудничества с Союзом Академий комиссия Константина Порфирородного и словарная комиссия были слиты в одну под названием Русско-византийской историко-словарной комиссии.

Неутомимо трудясь над расширением византиноведческих исследований, Ф. И. поставил перед объединенной комиссией задачу изучения экономических и торговых связей Византии с Русью, издания договоров Византии и Руси и т. д.

Ф. И. не только руководил деятельностью Русско-византийской комиссии, но и принимал в ее работе повседневное активное участие. Можно сказать, без боязни впасть в преувеличение, что среди достижений комиссии наиболее выдающимся было то, что сделал сам Ф. И. Успенский. Он никогда не останавливался на достигнутом, постоянно стремился внести в византинологию новое, сделать отдельные поправки, которые должны были уточнить отдельные положения и выводы его прежних исследований. Результаты своей большой исследовательской деятельности Ф. И. излагал в целом ряде докладов, которые он читал на заседаниях Русско-византийской комиссии. Многие из этих докладов остались неопубликованными. Среди них имеются работы, представляющие большой интерес для византистов. Назовем хотя бы такие работы, как „Крестьянский царь Андроник Комнин“, перевод Liutprandi Legatio Constantinopolitana, доклад о книге епарха о литературной деятельности Константина Порфирородного, о договорах Руси с греками и путешествии княгини Ольги в Царьград.

Последние годы своей жизни Ф. И. очень интересовался взаимоотношениями Византии и монголов, монголов и Руси, в результате чего появились доклады на эту тему, сделанные им на заседаниях Русско-византийской комиссии. Назовем среди них статью „Визан-

¹ В. Бенешевич, Русско-византийская комиссия. Glossarium graecitatis, Византийский Временник, XXIV (1923—1926), стр. 116.

тийские историки о монголах и египетских мамлюках“ („Византийский Временник, XXIV (1923—1926), стр. 1—16), в которой Ф. И. дал анализ сведениям по этому вопросу византийских историков Георгия Пахимера и Никифора Григоры. Неопубликованными остались работы Ф. И. „Значение выступления монголов в общеевропейской истории“ (доклад в Русско-византийской комиссии 25 ноября 1926 г.), „Появление монголов в России“ (доклад там же 24 февраля 1927 г.), „Ближайшие годы по смерти Чингиз-хана“ (доклад там же, 16 декабря 1927 г.), „Морское и сухопутное движение из Центральной Азии в Европу в средние века“¹ (доклад в подкомиссии по изучению экономических и торговых связей древней Руси с Византией и Востоком, 16 мая 1927 г.), „Движение народов из Центральной Азии в XI—XII вв. I. Турки. 2. Монголы“² (доклад там же, сделанный Ф. И. 9 февраля 1928 г., т. е. за семь месяцев до его смерти).

В своей работе Русско-византийская комиссия в первые годы после Октябрьской революции наталкивалась на ряд трудностей. Это заставило Ф. И. Успенского 22 октября 1924 г. обратиться снова в Академию с заявлением. В этом заявлении он отмечал крайне тяжелое положение комиссии, особенно в отношении издания ее трудов. „Русско-византийская комиссия, — писал в этом заявлении Ф. И., — отчасти уже объединяет, а по идее должна привлечь к своей работе всех работников в области византиноведения... энергию же и комиссии, как целого, и членов ее подтачивает больше всего то, что труд ее пропадает даром: что не напечатано, то и не сделано“.³ Ф. И. писал далее, что так дело продолжаться не может. Он отмечал, что „прекращением существования Русско-византийской комиссии будет нанесен тяжкий удар той науке, создание которой в России и содействие укреплению ее в Европе составляют одну из важнейших и почетнейших заслуг Академии. И этого я никак не могу допустить потому, что имел счастье всю свою жизнь, в том числе несколько десятков лет пребывания членом Академии, посвятить на разработку истории Византии... В то время, когда в Европе выходят три новых специальных журнала (Byzantion в Брюсселе, Bizanzio в Риме, Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher в Берлине), не считая случайных работ по византиноведению в других повременных изданиях,

¹ Будет напечатана во II (XXVII) томе „Византийского Временника“.

² Печатается в настоящем томе, стр. 9—28.

³ В. Бенешевич. Русско-византийская комиссия. Glossarium graecitatis, Византийский Временник, XXIV (1923—1926), стр. 119—120.

у нас необходимо возобновить „Византийский Временник“, хотя бы в виде десяти листов в год...“¹

Настойчивые ходатайства Ф. И. привели в конце концов к восстановлению „Византийского Временника“, во главе которого он был поставлен в качестве ответственного редактора.

До последних дней своей жизни Ф. И. Успенский неутомимо трудился на посту председателя Русско-византийской комиссии. Под его руководством комиссия проделала очень ценную и обширную работу, собрав большое количество материалов для словаря, исследований, переводов источников. Последовавшая 10 сентября 1928 г. смерть Ф. И. Успенского нанесла тяжелый удар византиноведению, во главе которого он стоял до последнего дня.

В настоящее время, особенно за последние годы, мы наблюдаем большие успехи в развитии советского византиноведения, в котором живы лучшие традиции русского византиноведения, обогатившего ценными трудами мировую историческую науку. Советское византиноведение, перед которым стоят большие и ответственные задачи, еще долго будет пользоваться результатами исследований Ф. И. Успенского, без изучения работ которого не сможет обойтись ни один ученый, посвятивший себя исследованиям в области Византии.

ГЛАВА VI

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА Ф. И. УСПЕНСКОГО

Выступление Ф. И. Успенского на арену научной деятельности совпадает с расцветом позитивного направления в мировой историографии, представляющем значительный шаг вперед по сравнению с предшествующей романтической историографией, господствовавшей в первой половине XIX в. Политическая победа буржуазии, успехи естествознания и техники, возрождение рационализма, — все это не могло не оказать влияния на историографию, позитивистская методология которой отражала историческое мировоззрение либеральной буржуазии. Несмотря на отдельные отклонения от общего правила, линия позитивистской историографии была в основном прогрессивной. Историки-позитивисты внесли в историческую науку

¹ В. Бенешевич. Русско-византийская комиссия. *Glossarium graecitatis*, Византийский Временник, XXIV (1923—1926), стр. 120.

исключительный вклад. Широкое распространение вспомогательных исторических дисциплин, повышение уровня и качества их практического применения ставили на невиданную до этого высоту технику научного исследования. Одной из отличительных черт позитивистского метода в историографии является сравнительно-исторический метод исследования. Этот метод расширял поле для исторических изысканий и открывал перед исторической наукой новые широкие возможности. На позитивистскую историографию не могло также не оказать влияния учение Маркса и Энгельса. Буржуазные историки не могли усвоить и применить материалистическую диалектику. Однако под непосредственным влиянием марксизма историки начинают обращать все большее внимание на „экономический фактор“, вследствие чего в историографии появляется большое количество монографий, посвященных социально-экономическим исследованиям. Несмотря на это, позитивистская историография, как и философская система позитивизма, оставалась на идеалистических позициях, будучи не в состоянии преодолеть в этом направлении основные пути развития буржуазной идеологии. И все же позитивистская историография была реалистической, стремясь к объективному изучению исторического процесса. Она верила в то, что историческая наука может быть поставлена на такие же прочные основания точных методов исследования, как и любая другая отрасль науки.

На протяжении всей своей научной деятельности Ф. И. Успенский твердо стоял на позициях позитивистской историографии. Свою „Историю Византийской империи“ он рассматривал как подведение итогов своей научной деятельности, поэтому во введении к этому труду мы находим важнейшие методологические указания, которыми руководствовался Ф. И. Успенский как в этом так и во многих других своих исследованиях. Эти указания имеют большое значение для определения основных методологических установок Ф. И. Успенского.

В самом начале своего введения Ф. И. подчеркивает, что историческую науку уже давно перестали удовлетворять „картинные описания“, что давно уже отвыкли „относиться к истории, как к сборнику более или менее занимательных фактов из военной и дипломатической жизни народов...; мы ждем от истории разъяснения законов развития человеческого общества, ответа на вопрос о том, как зарождаются в человечестве новые понятия, идеи и учреждения, отчего крепнут или слабеют народы“.¹

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб, 1913 стр. 2.

Каким путем рассчитывает Ф. И. Успенский прийти к „разъяснению законов развития человеческого общества“? Говоря о том, что в исторической науке появилась потребность выяснить отношение истории Византии ко всемирной истории и показать, какое место принадлежит Византии в истории человечества, Ф. И. отмечает, что для этого „необходимо прибегнуть к сравнениям и сопоставлениям, а для этого важно указать тот круг исторических явлений, где между сравниваемыми фактами были бы наибольшая связь и взаимоотношение“.¹ Мы видим, таким образом, что Ф. И. делает здесь совершенно определенные указания на значение сравнительно-исторического метода. Впрочем, несколькими страницами позже он говорит об этом еще более определенно, поэтому мы позволим себе еще одну выписку: „Сравнительно-исторический метод, берущий аналогии в разных местах и из различных эпох, принес уже много важных научных результатов и стал применяться во всех ученых литературах. Для дальнейших целей наших он имеет особенную важность...“²

В главе о работах Ф. И. Успенского по социально-экономической истории Византии мы уже говорили о том, что ему принадлежит глубокое обоснование необходимости параллельного сравнительного изучения процессов социально-экономической истории Византии и средневекового Запада. Здесь, во введении, Ф. И. показывает, почему для сравнения он берет, главным образом, факты из истории Западной Европы: „Само собой разумеется, — говорит он, — легче поддаются анализу факты западноевропейской истории, как факты вполне установленные и объясненные как по их значению и вытекающим из них последствиям, так и по преемственной связи и зависимости одного от другого“³. Как отмечал Ф. И. Успенский, западная историческая наука в своих построениях пользуется, главным образом, изучением Западной Римской империи, а затем истории германцев, французов, англичан. Однако, указывает Ф. И., этих наблюдений недостаточно для заключений об общих законах европейского развития. Ф. И. резко восстает против деления народов на „исторические“ и „неисторические“. Говоря об историках, которые ограничиваются изучением истории западноевропейских народов, Ф. И. продолжает: „Кто считает их (наблюдения по западноевропейской истории — Б. Г.) достаточными, тот смотрит на народы негерманской и нероманской расы как на ненужный служебный

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 3.

² Там же стр. 8.

³ Там же стр. 3.

придаюк, с которым не стоит много церемониться“.¹ Поэтому, говорит далее Ф. И., „было бы ошибочно строить теории исторического развития народов, исходя исключительно из фактов западной истории и пренебрегая восточноевропейской, т. е. целой половиной подлежащего изучению материала“.² Показав, таким образом, значение сравнительно-исторического метода, Ф. И. лишь подчеркнул здесь, в своем синтетическом труде, насколько последовательно и прямолинейно он его проводил во всей своей многолетней работе исследователя.

Говоря о работах Ф. И. Успенского по социально-экономической истории, мы неоднократно отмечали, как, изучая процессы экономического развития Византии, он постоянно проводил параллели, сравнивая то или иное явление хозяйственной жизни Византии с соответствующими явлениями из истории средних веков Западной Европы. В своей „Истории Византийской империи“ он делает выводы о различиях в процессе экономического развития Запада и Востока. Основным различием он считал, что, в то время как на Западе „действовали без надлежащей энергии и не приложили сердца к интересам изнемогавшей сельской общины“, на Востоке, благодаря принятым мерам, начало которых восходит к законодательству Македонской династии, „крестьянская община была предохранена от разрушения“.³

Нужно отметить, что с характеристикой законодательства Македонской династии в защиту мелкого крестьянского землевладения в том виде, как она дана у Ф. И. Успенского, нельзя согласиться. Законодательство это вызвано было отнюдь не заботой византийского правительства о крестьянстве, а желанием опереться на общину в борьбе против феодалов, которые уже ко времени Македонской династии достигли большой силы и неоднократно выступали против центрального византийского правительства. Недооценка роли феодалов наиболее ярко видна из другого места этого же введения, когда Ф. И. говорит, что „византийские цари несомненно предупредили тем развитие того порядка вещей, который последовал на Западе: в Византии не могло развиться сеньёрных и вассальных отношений, не могло образоваться феодальной системы“.⁴ Сравнивая исторические процессы на Западе и на Востоке, Ф. И. Успенский указывает, что на Западе факты общественного развития дают „крупное землевладение и сословные притязания поместной

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 10—11.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 32.

⁴ Там же, стр. 32—33.

и служилой аристократии; для Востока же — господство свободного мелкого землевладения и подчинение государственному принципу интересов поместного и служилого сословия¹. Само собою разумеется, что с этими положениями также нельзя согласиться. Не говоря уже о бесспорном развитии в Византии развернутых феодальных отношений, меньше всего можно говорить о каком бы то ни было подчинении государственному принципу поместного и служилого сословия. В Византии, пожалуй, еще сильнее, чем на Западе происходил процесс усиления мощи крупных земельных владельцев — феодалов, что в последние века византийской истории вызывало сильную децентрализацию, раздробление государственного суверенитета и ослабление центральной государственной власти, в чем нельзя не видеть одной из основных причин упадка и конечной гибели Византийской империи. Впрочем, мы должны отметить здесь, что, хотя свою „Историю Византийской империи“ в момент выхода в свет первого тома (в 1913 г.) Ф. И. считал трудом, подводящим итоги его научной деятельности, он прожил после этого еще 15 лет, заполненных, как мы видели в предшествующем изложении, не прекращавшейся до последнего дня его жизни исследовательской работой, плодами которой явилось много трудов, в том числе и по социально-экономической истории Византии. Нельзя забывать также и то обстоятельство, что эти годы жизни Ф. И. Успенского проходили в тесном общении с представителями советской исторической науки, в сближении с марксистской методологией при изучении исторического процесса, к чему его властно призывал его строгий научный объективизм. Поэтому, посвятив много времени и труда опубликованию и изучению Вазелонских актов, Ф. И. Успенский должен был отказаться от отрицания византийского феодализма и притти к правильной трактовке основных путей его развития и тенденций в его движении в поздневизантийское время, что отразилось в его работе „Социальная эволюция и феодализация Византии“².

Блестящий пример применения сравнительно-исторического метода мы встречаем в работах Ф. И. Успенского, посвященных истории общественно-политической идеологии в Византии, особенно в „Очерках по истории византийской образованности“, в которых подводились итоги его исследованиям в этой области. Этим „Очеркам,“ предшествовала кропотливая и упорная работа по изучению памятников византийской общественной мысли и сравнению их

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1915, стр. 33.

² *Анналы*, II (1923), стр. 95—114.

с аналогичными западноевропейскими памятниками. Своими сравнительно историческими исследованиями Ф. И. опроверг взгляды, установившиеся у многих ученых, занимавшихся историей философии, будто на протяжении 10 веков существования Восточно-Римской империи византийская философия являла картину полного единства, была лишена борьбы направлений и философских систем и будто эта единая линия, якобы существовавшая в истории развития византийской философии, являлась насквозь спиритуалистической, а византийская философия — сплошным мистицизмом. Заслугою Ф. И. Успенского следует считать установленное им положение, что, подобно тому как Византия переживала в своей истории те же этапы (при всем их своеобразии), через которые проходило западноевропейское общество, так же переживала она и смену течений в истории своей общественно-политической мысли. Ф. И. показал, как безраздельная гегемония богословия в Византии, так же как и на Западе, систематически подтачивалась по мере того, как развивались ростки новых общественных отношений. Подобно тому, как и на Западе, в Византии социально-политические движения, облеченные в форму ересей, выступают под флагом религиозных споров, за которыми кроется острая борьба философских систем и направлений. Ф. И. показал, что „круг идей, в котором вращалось европейское мышление на Западе, тот же самый, какой мы находим в Византии, что нельзя сомневаться в общности философского направления на Западе и Востоке“.¹

Как мы уже отмечали, Ф. И. Успенский, много занимаясь исследованиями по социально-экономической истории Византии, приближался к материалистическому пониманию истории. Он неоднократно высказывался по поводу исторического направления, которое „переносит центр тяжести в истории на изучение экономических факторов народного хозяйства. Названное направление или школа оказала большую услугу в особенности тем, что выяснила первоначальные основания, на которых покоится средневековый общественный и политический склад“.² Тем не менее, Ф. И. Успенскому были присущи отдельные черты эклектизма с его теорией равноправных факторов, присущего либерально-позитивистской историографии. Черты идеалистических воззрений зачастую пробивались в его исследованиях, и от них он не отрешался, да и не мог отрешиться, до самого конца своего длинного исследовательского пути.

¹ Ф. И. Успенский *Очерки по истории византийской образованности*, СПб., 1892, стр. 183.

² Ф. И. Успенский. *История Византийской империи*, т. I, СПб., 1913, стр. 11.

Это наиболее отчетливо проявляется в его отношении к вопросу о роли личности в истории. Мы позволим себе еще одну выписку, которая ярко характеризует взгляды Ф. И. Успенского по этому вопросу: „... трудно помириться с мнением, что отдельная личность есть не более как равнодействующая из сложного комплекса общественных течений, которые неизбежно и всецело подчиняют себе отдельного человека. На самом деле история не имеет прямолинейности в своем движении, не представляет закономерного течения вперед, а, напротив, часто делает скачки и останавливается в своем движении. Нет личности, которая была бы вполне равна другой; есть личности, трудно объяснимые из окружающей их обстановки. Если устранить из истории влияние личности, то останутся неразгаданными самые крупные в ней события“.¹

Мы видели, что, несмотря на свой эклектизм, на идеалистические наслоения, пробивающиеся то здесь, то там в его научном творчестве, Ф. И. Успенский твердо оставался на почве строгого научного объективизма, который был его знаменем на протяжении всей его научной деятельности. Этому в значительной степени способствовали приемы научного исследования, которыми пользовался Ф. И. в своей работе. Тщательное всестороннее изучение источников, постоянное стремление расширить круг привлекаемых к исследованию документов — основная черта исследовательской работы Ф. И. Вспомним, что длинный список трудов Ф. И. по византийской истории начинается рядом работ источниковедческого характера. Византийская греческая палеография, дипломатика, эпиграфика, нумизматика и другие вспомогательные исторические дисциплины были областями, в которых Ф. И. чувствовал себя — и был — полным хозяином, вследствие чего техника исторического исследования стояла у него на такой высоте, которая встречается лишь у немногих, наиболее выдающихся представителей исторической мысли.

Подведем некоторые итоги. Стоя на почве позитивистской историографии, будучи непревзойденным мастером исследовательской техники, постоянно стремясь к строгому научному объективизму, Ф. И. Успенский выработал строго научный метод исследования, который ставит его работы на уровень лучших образцов мировой исторической литературы. В его научном творчестве имеются положения, с которыми мы сейчас не можем согласиться. Советская историческая наука непрерывно идет вперед, накапливая новый материал, и то, что казалось новым в годы, когда работал Ф. И. Успенский, сейчас уже в отдельных своих частях не

¹ Ф. И. Успенский, История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 420.

отвечает новейшим выводам, достигнутым в практике исследовательской работы советских историков. Однако это ни в какой степени не уменьшает того значения, которое имел Ф. И. Успенский в развитии русского византиноведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили основные моменты в развитии научного творчества Ф. И. Успенского и старались показать его место в русской исторической науке. Мы уже отмечали, что если русская историческая наука внесла ценную долю в развитие мировой науки, то это особенно верно по отношению к византиноведению, которое было поднято в России на такую высоту, как едва ли какая-нибудь другая из исторических дисциплин. Это место русского византиноведения получило широкое признание в мировой научной среде. И если русское византиноведение так высоко стояло в глазах мировых ученых, то этим оно в значительной степени обязано трудам Ф. И. Успенского. Ф. И. не оставил вне своего поля зрения ни одного вопроса социально-экономической и общественно-политической истории Византии. Он внес неоценимый вклад в дело изучения византийской археологии и византийского искусства. Его трудам мы обязаны введением в научный оборот большого количества неизданных первоисточников, обогативших их фонды и необычайно расширивших поле для исследований. Ему принадлежит первый на русском языке большой синтетический труд, представляющий полное изложение истории Византийской империи.

Много неразрешенных до него вопросов Ф. И. блестяще решил, осветив многие темные вопросы византийской истории. В своих трудах он поставил ряд вопросов, над решением которых будет еще долго работать советское византиноведение. Наконец, Ф. И. оставил после себя богатейшее литературное наследство, к которому еще долго будут обращаться советские византинисты, как и ученые других стран, работающие над исследованиями по истории Византии. Все они найдут в работах Ф. И. Успенского образцы исследования, путеводную звезду, которая осветит их научный путь.

Вся жизнь Ф. И. Успенского представляет собою образец беззаветного служения его любимой науке византиноведения, которой он отдал без остатка все свои силы. Лучшие традиции русского византиноведения живы в советской исторической науке, которая широко использует наследство главы русского византиноведения Ф. И. Успенского. *Ἡ γοῦν μνήμη τοῦ γενναίου τούτου τῆς ἐπιστήμης σκαπανέως εἶη ἡμῖν ἐς αἰεὶ ἱερά.*

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- ✓ подробная информация о новоизданных книгах;
- ✓ возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- ✓ возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте,
пожалуйста, по электронной почте:**

info@axion.org.ru